

vk.com/bb_vmp

НОРА ФЛАЙТ

серия

НАСЛАЖДЕНИЯ

#1

Н БЕЗЖАЛОСТНЫЕ
НАСЛАЖДЕНИЯ

Она думала, что ступила на путь славы. Лола Встреча с Дрезденом Гэлифаксом должна была всегда оставаться только в моих мечтах. Но грёзы должны быть сладкими, хрупкими созданиями, уносящими тебя далеко-далеко. У чудовищ нет сильных рук, нет крайне возбуждающего голоса, мощь которого разрывала меня изнутри, на части, прямо на месте. И, возможно, моё сердце тоже... Стать гитаристом в «Four and a Half Headstones» было пределом моих мечтаний. Но, к несчастью, солист группы сделал всё возможное для того, чтобы разрушить всё, что у меня было. Он думал, что она — решение всех его проблем. Дрезден Лола, будь она проклята, Купер. Она — превосходный гитарист, её пальцы могли из ничего создавать прекрасную песню, задевающую самые глубинные струны души. Она должна была спасти мою группу, чтобы мы прошли через испытания этого турне, оставшись целыми и невредимыми... Но я просто хотел разорвать ЕЁ в клочья. Никому не позволено вызывать во мне такие чувства. Однажды взглянув на неё и ощутив её запах, я сразу понял, что она должна принадлежать мне. Он сделал со мной нечто такое, от чего у меня от страха мурашки по коже. Она вызывала у меня желание впечатать её в стену и прислушиваться к её мольбам: страстным или от испытываемого страха — для меня это не имело значения. Я — монстр... И меня всё это не волновало.

Пролог

Дрезден

Сигарета застыла в моих губах, её алый кончик готов был упасть на землю. Одно моё движение, и пепел осыпался бы. Нужно так мало, совсем немного, чтобы разрушить это совершенство, гравитация игнорировала всё.

Моё плечо развернулось, неся кулак в направлении челюсти Джонни. Весь пепел рассыпался, а окурок отлетел в сторону от моего резкого движения. Джонни опрокинулся назад, падая на твердый пол и цепляя за собой пару стульев. Я слышал вздохи вокруг себя, в особенности сладостные вопли фанаток, которые пару минут назад жужжали вокруг него как мухи.

— Эй, мужик, что за хрень? — орал Джонни от шока и боли, неуклюже развалившись на полу.

Я собирался врезать ему ещё.

— Эй, чувак, остановись, — раздался слева от меня резкий хриплый голос. Это Кольт, мой барабанщик. Он здоровяк. И, без вариантов, он собирался хорошенько приложиться ко мне. Посмотрев в сторону, я заметил, как он уже разминал пальцы.

Нет. Кольт не остановит меня.

Обернувшись, я видел, как Джонни отползал по полу назад. Мы были в отдельной кабинке, в месте, которое едва ли можно было назвать баром, но это убожество было доступно нам только после концерта. Джонни продолжал ползти на четвереньках. Далеко он не уполз. Пару шагов через стулья, и я был рядом с ним.

— Эй, — кричал он, пытаюсь вывернуться из моей хватки, пока я тянул его вверх. Он

хотел сбежать. Ха, а кто бы не захотел?

— Дрез, чувак, остановись, мать твою! В чём дело?

Он слабак — я сильнее его. Поднять его до уровня глаз — простая задача. Наши носы почти соприкоснулись, кровь на его зубах отдавала ржавчиной.

— Ты знаешь, в чем моя проблема, Джонни? Тебе, бл*дь, лучше знать.

Его зрачки сузились, став размером с крошечную точку. Он сделал еще одно усилие, алое пятно постепенно растекалось по его рубашке, когда я сильнее тряхнул его.

— Мне? О чём, чёрт возьми, ты болтаешь?

Он был уже на грани того, чтобы обмочиться выпитым пивом, которым от него изрядно пахло.

— Ты устроил хреновую лажу сегодня вечером, — рявкнул я. Даже мысль о том, как он роняет свою гитару на сцену прямо в середине нашей вступительной песни, сводила мою шею судорогой.

— Да ладно тебе, — смеялся он, оглядываясь на зевак в комнате, в поисках подтверждения своих слов. — Я взял только пару фальшивых нот. Но ничего такого, чтобы...

Он не закончил предложение — звук глухого удара об пол сделал это вместо него.

Джонни закашлялся, а после того, как я уперся ногой в его грудь — тяжело задышал.

— Ты запорол все песни. Ты вел себя как кретин все последние недели. И я должен поставить на этом точку.

Я отстранился, не обращая внимания на то, как он вцепился в мою лодыжку.

— Постой! Что, чёрт возьми, это значит?

Твердые линии его рта сложились в нервную улыбку.

— Чувак, это похоже на то, что ты выгоняешь меня из группы, но ты не можешь этого сделать. Ты же знаешь, что не можешь этого сделать.

Джонни притянул к себе колени, смеясь у меня за спиной, смеясь над людьми, которые все еще смотрели.

— Ты не можешь этого сделать, просто не можешь — это вообще не вариант.

Порывшись в кармане, я вставил новую сигарету в рот. Все продолжали говорить мне, чтобы я бросил; курение — ужасная идея для вокалиста. Но я делал затяжку только, тогда, когда пьян или на нервах. Что, к несчастью, происходило постоянно в последнее время.

— Эй! — Джонни больше не смеялся.

Слушая бормотание людей, затем крик. Резкий звук, вперемешку с треском разбивающегося стекла рядом с моим лицом. Бутылка оставила мокрое пятно на краю двери, а часть осколков коснулась моих скул.

— Вернись назад, ты, грёбаный мудака! Ты не можешь этого сделать!

Вытаскивая сигарету и оглядываясь назад. Я собирался сказать ему пару слов по поводу того, как вышвырну его из группы, что я уже фактически сделал. Вместо этого видел, как рука Джонни тянулась назад. Этот говнюк приготовил еще одну бутылку пива, чтобы бросить ее в мое незащищенное лицо.

На секунду представив, как фанаты обсуждают мои новые шрамы.

Крупный мужчина, намного больше меня, схватил Джонни за горло. До этого я не заметил присутствие Портера. Мой басист не был поклонником такого рода заведений, предпочитая им модные и шикарные тусовки.

Он опрокинул нашу экс-певичку на пол одним движением своей огромной руки.

Джонни приводили в чувства с помощью силы пару раз за время нашей совместной

работы, но не так как сейчас.

— Два года! — проревел Джонни. — Два грёбаных года вместе! Да, пошёл, ты! Пошёл, ты, на хрен, Дрез!

От его беспомощного крика, напряженная тишина разбивалась на осколки, как хрупкое стекло. Фанатки, официантки — все приходили в движение. Кто-то помогал Портеру усмирить Джонни, но большинство старалось запечатлеть всё на фото. Я уверен, что заметил около семи девчонок с телефонами в руках.

Возможно, кто-то из них звонил копам.

Да кому, на хрен, я это рассказывал? Всех вокруг интересовало лишь большое количество новых лайков, голосов, или какой-то ещё очередной хрени, произошедшей в их жизни, чтобы запостили это в социальных сетях.

Выбежав в ночь, на свежий воздух, я закрыл дверь чёрного входа и облокотился на холодную стену. Моя куртка скрипела как фольга, когда я, хрипя, соскальзывал по стене прямо на асфальт. Вокруг темнота, единственное, что освещало округу — это мигающий уличный фонарь. Этот огонек напоминал мне про мою незажженную сигарету. Похлопывая себя в поисках зажигалки. Я посмотрел вверх, замечая, как рядом со мной открылась дверь.

— Надвигающаяся смерть от летающей бутылки заставила тебя убежать и немного вкусить этих самых неприятностей, чтобы заработать рак легких, да? — спросил Портер.

Усмехнувшись, я ответил ему лишь уголком рта, всё ещё отыскивая зажигалку.

— Сейчас я ставлю табак выше насилия.

Он уселся рядом со мной и легким щелчком включил свою зажигалку. Я наклонился, чтобы он поджег кончик моей сигареты багрово-красным светом.

— Забавно, — размышлял он. — Понятия не имел, что было только два варианта.

Делая глубокую затяжку, я закрыл глаза, пока густой дым расплывался вокруг нас.

— Просто беда любит ходить со мной бок о бок, вот и всё.

Здоровяк притянул колени к груди и хмуро посмотрел в туманное небо. Звезд нигде не было видно.

— Ты серьезно насчёт того, чтобы избавиться от Джонни?

Страхнув пепел, я внимательно рассмотрел, покрытые пятнами крови, костяшки своих пальцев.

— Да.

— Полагаю, это означает, что нам нужен новый гитарист?

— Да.

Портер почесал голову, не испортив при этом пальцами блондинистый ирокез своей «канадки» (*прим.* «канадка» — мужская стрижка).

— Бл*дь... Ты же знаешь, как Бренду это разозлит.

Он был прав, я точно знал. Наш менеджер просто охренеет, когда узнает, что я выгнал Джонни. И есть большая вероятность, что она уже прочитала это через твиты и блоги наших фанатов.

Она уже и так разрешила ряд вопросов в этом турне, но я был бы безумцем, думая, что смогу заставить её воспринять всё это как-то лучше. Было бы хорошо, если бы какая-то другая группа, играющая с нами, выйдя в город, стала бы причиной беспорядка.

Во всяком случае, хотя бы немного.

Портер вытянул руки перед собой, изображая чтение газетных заголовков.

— «Four and a Half Headstones» (*прим.* перевод звучит как «четыре с половиной

надгробья») трансформировались в «Three and a Half Headstones» (*прим.* здесь соответственно это уже «три с половиной»). Вокалист-маньяк убивает гитариста!

Я отгонял дым от своих глаз.

— Я не убивал Джонни.

— Но выглядело так, как будто ты точно этого хотел.

— А я и хотел, — ответил ему, удерживая сигарету уголком рта.

Это заставило его рассмеяться, а меня улыбнуться, не смотря на всё произошедшее. Моя рука горела от нанесенных ударов, мое настроение испортилось, как только я представил поиски нового гитариста.

— Вот, что мы имеем, — пробормотал я. — Он нужен нам как можно быстрее. У нас только два дня до следующего выступления.

— Чертовски точно подмечено.

Я раздавил сигарету о землю и задумчиво посмотрел на Портера.

— Он должен быть надежным. Не долбаным клоуном, как предыдущий.

— Наш последний чувак, вероятнее всего, не исчезнет просто так, довольствуясь тем, что мы его заменили.

Я постучал затылком о стену.

— Хороший вопрос. Тогда он должен быть стойким, талантливым и быть не против того, что Джонни когда-нибудь захочет надрать ему задницу.

Портер протянул руку и сжал мое плечо с угрюмым выражением лица.

— Как я уже сказал, Бренда будет очень зла на тебя. Мы ни за что не найдем кого-то вроде него, и уж точно не здесь, чувак. Мы в чертовом турне!

Сделав движение, чтобы оттолкнуть его, он только усилил хватку. То, как хмурились его почти белые брови, заставило меня помедлить.

— Дрез, ты реально думаешь, что возможно заменить кого-то вроде Джонни на данном этапе?

Аккуратно разжав его пальцы. Поднявшись во весь рост, стряхнув грязь со своих джинсов я посмотрел на Портера со всей серьезностью, что есть во мне. Мой голос звучал ровно и твердо.

— Да.

Ответ был прост.

Если бы и ситуация была такой же.

Глава 1

Лола

— Полегче с этим, — проворчала я, пробираясь к динамику, брошенного в конец фургона, чтобы поправить его. — Это дорогостоящее оборудование.

Парнишка — он должно быть даже младше меня (а мне только девятнадцать) — просто закатил глаза. Как и все остальные в этом туре, он до сих пор не хотел отдать мне дань уважения ни на йоту.

Прикусить свой язык — вот мой единственный ответ. Я начинала сомневаться во всей этой поездке. Подняв еще один ящик в фургон, со вздохом вытерла свой лоб.

Каждый раз, когда мы паковались, собирались двинуться дальше, я задавалась вопросом,

что будет, если силы покинут меня.

Тур длился только четыре дня, но я собирала и распускала состав группы моего брата уже три раза. И пусть я еще недостаточно взрослая, но если честно, я уже вложила всю душу, чтобы помочь — вложила всю себя.

Бросив взгляд на парней, слоняющихся рядом без дела, я подумала: «Мы бы закончили гораздо быстрее, если бы кто-то приложил хотя бы половину моих усилий.» Основная часть команды состояла из парней-фанатов, которые ходили поблизости в надежде подцепить какую-нибудь второсортную киску.

Они выходили на охоту после каждого шоу, подбирая девчонок, которым ничего не перепало от группы. Некоторые даже пытались попытаться счастья со мной... пока я не приложилась к одному из них так, что его челюсть распухла как грейпфрут.

Они практически перестали заигрывать после того случая. Практически.

Захлопнув двери фургона, я почувствовала некоторое облегчение, зная, что нам не надо будет распаковываться ещё два дня. Время переезда к следующему пункту назначения — к неповторимым горам Колорадо — будет моим временем, чтобы расслабиться. Я должна убедиться, что Шону больше ничего от меня не нужно, прежде чем мы двинемся в путь. Двигаясь по асфальту, мимо машин и автобусов, я пыталась уловить присутствие каких-нибудь других групп.

Если быть честной с самой собой, я вела себя не лучше тех фанаток, которых сама же и высмеивала. Был шанс, что я увижу участника какой-нибудь великой группы типа «Silver Sideways», «Backwater Till Sunday», или даже «Four and a Half Headstones».

Это приводило меня в восторг.

А особенно «Four and a Half Headstones».

Сообщения о вчерашней драке распространились среди автоколонны. Веб-сайты разрывались от слухов об этом, выдвигая заявления о том, что известный вокалист Дрезден Гэлифакс избил Джонни Мьюза так, что тот превратился в кровавое месиво.

Я слышала домыслы начиная с того, что он обвиняется в предумышленном убийстве, и заканчивая тем, что именно Дрезден на самом деле стал объектом избиения. Не было никаких веских доказательств чего-то конкретного, что было отстойно, потому что это означало неизвестность для остальной части группы.

«Four and a Half Headstones» были хэдлайнерами буквально во всём. (*прим.* «хэдлайнер» наиболее привлекающий внимание публики участник представления, концерта, фестиваля, имя которого стоит в заголовке афиши, выступающий, как правило, в конце). И если бы были какие-либо негативные последствия, и им пришлось бы отменить выступление... то это понесло бы за собой катастрофические последствия. Пришлось бы группе моего брата свернуть свою деятельность? Это стало бы ужасной перспективой. «Barbed Fire» (*прим.* «Колочее пламя») были в состоянии экстаза, когда узнали, что приглашены в турне. Шон до смерти напугал меня своим звонком — он вопил без остановки — я думала, что он попал в беду.

Воспоминание о его взволнованности, заставило меня улыбнуться. Ему не нужно было меня долго убеждать, чтобы я последовала за ним. Я была готова на всё ради своего брата, чтобы он, наконец-таки, заполучил те большие перемены, которых заслуживал.

И как знать, возможно, я встречу агента или кого-то, кто будет вести меня в правильном направлении, в то время пока я буду находиться здесь. Я не была так же искусна, как мой брат, когда начала играть на гитаре; но это нормально — все с чего-то начинают. Но это должно было случиться. Произойти может всё, что угодно.

Я увидела гастрольный автобус «Barbed Fire» впереди, на обочине дороги. Покрашен он был убого: красный по большей части был скорее коричневым, а наспех нарисованные языки огненного пламени с одной стороны облущились. Он был далеко не таким роскошным, как остальные автобусы, едва ли достаточно большим, чтобы вместить всех членов группы, вот почему нам нужен был тот дрянный фургон для перевозки оборудования. Постучав костяшками пальцев по двери, дернула её и посмотрела вверх ступеней.

— Эй, Шон! Ты здесь?

Он сгорбился на одном из сидений, окружённый остальной частью группы. Я знала, что он был внутри — конечно, я знала, что он был здесь — просто для меня это было в порядке вещей таким образом спрашивать, подразумевая — «Ничего, если я зайду?». Мне сложно быть непосредственной.

Шон поднял голову, и его проколота бровь поползла вверх. Все говорили, что у нас одинаковые голубые глаза, за исключением того, что я всегда чувствовала во взгляде своего брата нечто такое, чего не было у меня — нечто вроде стального лезвия, которое могло порезать кого-то на кусочки. К счастью, я редко видела, чтобы он так смотрел на меня.

— Лола, — сказал он. — Я как раз уже собирался тебя искать.

— Правда?

Закрыв дверь и наслаждаясь работающим кондиционером, я положила руки поверх двух сидений и качнулась на носочках вперед, представ перед группой с широкой улыбкой.

— Я пришла посмотреть, нужно ли мне сделать что-то еще, прежде чем мы отправимся в дорогу.

Мой старший брат бросил взгляд на остальную часть группы — внезапно повисло неловкое молчание. Интересно, зачем я только что их всех застучала.

— Слышала, что произошло прошлой ночью — о вокалисте Headstones и их гитаристе?

— Да, конечно, слышала, — улыбнулась я. — Люди никак не заткнуться насчёт этого, но в самом деле никто не может сказать ничего правдоподобного. Я начинаю думать, что это просто шутка.

Никто не смеялся; мои губы быстро вытянулись в прямую линию.

— Ладно, у меня такое ощущение, что вы хотите сказать мне что-то важное. Что-то плохое. — Дерьмо! Неужели слухи правдивые и кого-то избили до смерти?

Шон смахнул густую чёлку с глаз, откидываясь назад на сиденье.

— На самом деле новости хорошие.

Было сложно отвести свой взгляд от лица моего брата.

— Скажи мне, что происходит.

Он махнул мне рукой, чтобы я присела, поэтому я плюхнулась на край кожаной подушки по диагонали от него.

— Лола, Дрезден выгнал Джонни Мьюза.

— Выгнал, — повторила я в недоумении. — Выгнал его из группы? — Эта мысль взорвала моё сознание. Я была рада, что сидела в тот момент. — Но зачем? Это безумие!

Здоровенный барабанщик, Шарк, одарил меня широкой улыбкой. Не смотря на имя (*прим.* «shark» — «акула»), зубы у него были ровные и красивые.

— Правда, же? Это безумие! Я присутствовал там, и видел всё! Чувак просто сошёл с ума, он буквально размазал Джонни о землю.

Мой разум пробуждал в воображении образ Дрездена, то как напрягаются мышцы его рук, когда он кричит со сцены. Он выглядит как тип, который может с легкостью разодрать парню лицо.

— Боже мой... — прошептала я.

Шон ещё ниже сполз в своём кресле и пинал Шарка по колену.

— Успокойся, всё не так плохо, как кажется. Я тоже видел Джонни прошлой ночью, до того, как они утащили его, чтобы он не бросался бутылками в людей. Он был в целости и сохранности. И Дрезден не «избил» его. Ну, хотя, он от пинал его.

Я обернула руки вокруг своих колен. Чёрно-розовый кроссовок нервно постукивал в воздухе.

— Это безумие. Что «Four and a Half Headstones» собирается делать без гитариста?

— Они должны найти нового, и сделать это быстро, — сказал мой брат.

— Ну да, быстро, — я приглаживала свои растрёпанные тёмные волосы. Влажный воздух превратил их в непокорную дикую гриву. — Очень быстро. И где они собираются найти гитариста до следующего выступления?

Никто ничего не ответил. Сбитая с толку, я подняла взгляд, переводя его от одного участника группы к другому. Шон улыбнулся, а мой желудок отплясывал твист.

— О, нет, — сказала я, моя спина стала прямой как палка. — Я не смогу, я не настолько хороша, чтобы и близко стоять с их группой.

Шон выскользнул со своего кресла, незамедлительно ткнув Шарка в бок.

— Лола, да ладно тебе. Ты — сестра ведущего гитариста «Barbed Fire»! Я научил тебя всему, что знал сам, — он стал позади меня, сжимая мои плечи, успокаивая меня. Но я совершенно не готова к тому, чтобы быть спокойной.

— Дерьмо, — сказала я не обращаясь к кому-то. — Святое, мать его, дерьмо. — Он не шутил, когда говорил, что научил меня всему, что знал. Преимуществом быть младшей сестрёнкой талантливого гитариста было то, что ты могла многому научиться. А недостатки? Ну, это то, что мы оба не могли быть ведущими гитаристами в одной и той же группе. Я никогда не смогу играть с «Barbed Fire». Мой максимум с ними — это передвигать оборудование на сцене во время концерта. А теперь мой брат пытается заставить меня пойти и попробовать себя в качестве гитариста грёбаных «Four and a Half Headstones».

— Дерьмо, — повторила я. Я уже сказала это много раз. Стиснув снова меня в своих объятиях, он так грубо шлёпнул меня, что вся моя голова затряслась.

— Прослушивания пройдут сегодня. Я уже ходил и переговорил с их менеджером, когда услышал о происходящем. Тебе выпала невероятная удача, Лола.

Невероятная удача? Я вытерла потные ладони о свои рваные джинсы. Он прав, это грандиозная возможность. Я знаю все их песни наизусть, но... без сомнения у меня мало опыта, это намного больше, чем просто умение воспроизвести песню. Я буду выглядеть как задница на прослушивании.

— ... есть час, — сказал он, мои мозги настолько затуманились, что я пропустила начало предложения.

— Я знаю, что ты привезла свою гитару, так что хватай её и бери с собой.

— Прости, что ты сказал?

— У тебя есть час на подготовку, они проведут всё прежде, чем мы двинемся к

следующей остановке.

— Шон, — промямлила я, поспешно вскакивая на ноги. — Послушай, я не могу этого сделать.

В его брови сверкал пирсинг, когда он морщил лоб.

— В чём дело? Почему?

— Просто я ... Да, ладно тебе! — сказала я, нервно посмеиваясь. — Это же я! Я — не рок-звезда!

— Ты уже играла в группах до этого, — сказал он.

— В любительских группах, это были шутовские группы, ничего серьёзного.

— И я видел, как ты слушаешь «Four and a Half Headstones» со дня их основания.

Я без остановки качала своей головой из стороны в сторону. Шон открыл рот, но сразу закрыл. Взглянув на остальных участников своей группы, он кивнул головой, указывая на дверь.

— Парни, дайте нам минуту.

Они потащились к двери, оставляя меня с братом наедине. Атмосфера в автобусе стала весьма неприятной.

— Шон...

— Лола, — оборвал он меня, засунув руки в карманы. — Неужели, ты не понимаешь? Это невероятная возможность, почему ты вредишь сама себе?

Мои руки опустились к бёдрам.

— Я не... Просто я... — Я просто боюсь. — Там будет кто-нибудь ещё, кто займёт это место, кто-нибудь лучше.

— Я не понимаю, — он смотрел куда угодно, но только не на меня. — Я думал, что ты хочешь заниматься музыкой, хочешь стать звездой. Мне казалось, что в этом и заключался весь грёбаный смысл всего.

— Я хочу! Шон, я на самом деле очень хочу! Но ещё не готова к этому. Не сейчас.

Сжав челюсти, мой брат прошел мимо меня.

— Ты права, — язвительно заключил он. — Я думаю, ты на самом деле не подходишь. — Он оставил меня одну, так и не взглянув назад.

Какое-то время я стояла и смотрела ему вслед. Мой разум был такой же отяжелевший, как и мой желудок. Ухватившись за сиденье, сдавливала скользкий материал до тех пор, пока он не издал скрип. Хорошая работа! — сказала я самой себе. Ты хотела, чтобы он перестал заставлять тебя сделать это, и ты добилась своего. Ударив пяткой по столику между сиденьями я стиснула зубы.

Бл*дь. Он сказал, что я упускаю возможность — наношу вред самой себе. Он был прав? Шон не мог в самом деле думать, что я пройду этот кастинг. Но тогда почему он мне сказал всё это, если на самом деле так не думает? Мой брат знал меня настоящую, как никто другой. Если я когда-нибудь и сомневалась в своих знаниях, мой брат всегда был рядом, чтобы правильно направить меня. Чтобы поддержать... Он верил в меня. Так почему же я не верю в саму себя? Находиться в автобусе дальше — это уже слишком, воздух сдавил мои лёгкие. Вцепившись ногтями в уже и так изрядно порванное кресло, я выскочила за дверь на свежий воздух.

Ухватившись за коленки, опустила свой подбородок и сделала глубокий вдох, потом ещё один. Я продолжала до тех пор, пока мои рёбра не начали болеть... Слышала вокруг смех людей, буднично общающихся, пока шла подготовка к отъезду.

Было тепло, и я была вся потная, но мне было всё равно.

Он сказал, что у меня есть час. Один час на то, чтобы решить, собираюсь ли я попытать удачу в том, чтобы стать гитаристом безумных «Four and a Half Headstones».

В группе, которой я одержима с их самой первой песни.

Может у меня и есть шанс. Это то прослушивание, о котором не заявлено на весь мир, без участников, приехавших отовсюду. Мы в середине тура, выбор не особо большой. Я могла бы... У меня на самом деле может быть шанс! Убрав волосы с глаз, я пошла обратно к автобусу «Barbed Fire». Если я собиралась сделать хоть что-нибудь... Мне нужна моя гитара.

Они арендовали подсобное помещение на ближайшей автозаправке. Очередь из людей, выстроившихся перед дверью, была похожа на дорожку из хлебных крошек.

С одной стороны, сказала я себе, мне нужно идти к Шону и просить его показать мне, где проходит прослушивание. Но всё это выглядело так, будто сюда явился каждый, кто в состоянии держать в руках гитару. И даже те, кто не может. Потерев шею, повесила чехол на плечо и постаралась вести себя естественно, присоединившись к очереди.

Все разговаривали, атмосфера была пронизана шумом и возбуждением. Я слышала обрывки фраз о драке прошлой ночью, и комментарии от людей, которые пришли на прослушивание, только, чтобы иметь возможность встретиться с группой.

Под солнцем, опаляющим мои плечи, я начала сомневаться в принятом мной решении. При таких темпах, я потеряю сознание еще до того, как зайду вовнутрь. Я ни за что, не пролезу через весь этот народ!

Какое-то движение впереди, у двери, привлекло моё внимание. Там была женщина, её причёска в сплошь состояла из буйных рыжих кудрей, на фоне них её кожа казалась бледной как полотно. Большая часть неё была скрыта под огромной шляпой, а на её изящном носу поблескивали солнцезащитные очки. Она медленно продвигалась вдоль очереди на непомерно высоких каблуках, шепча что-то в уши собравшимся. Наклоняясь к каждому, она либо делала пометку на планшете, который был у неё в руках, либо отсылала человека прочь.

Недовольное бормотание возрастало пропорционально уменьшающемуся размеру очереди. Недовольные в растерянности удалялись в сторону обочины по мере продвижения таинственной рыжеволосой.

Что происходит? Что такого она там говорит? Почему люди расходятся? Чем ближе она приближалась ко мне, тем туже стягивало мой живот. Беспокойство заставило костяшки моих пальцев побелеть, я вынуждена была спустить свою гитару и прислонить к бедру, чтобы удержать её.

Чёрт, не подходи сюда, не разговаривай со мной.

Так или иначе, я была уверена, что если она заговорит со мной, то скажет мне уходить.

Она собиралась разрушить мою судьбу.

Женщина что-то тихо сказала парню, стоящему передо мной: долговязому пижону, который слушал ... он также отвечал ей что-то негромко. Всего лишь одно слово, как мне показалось, но я не расслышала его. Женщина выпрямилась, кивнула, спросила имя того парня и что-то записала у себя. Он остался стоять на своём месте, и вдруг, она обратила свои огромные зеркальные очки на меня. Я смогла видеть себя в отражении — я выглядела даже бледнее, чем она. Спокойно, просто расслабься. Её идеально покрашенные ярко-красные

губы растянулись в незначительную улыбку.

Мне всегда было интересно, как некоторым женщинам удавалось выглядеть столь привлекательно во время гастролей, несмотря на все переезды, и время, проведённое в дороге. Я чувствовала, как её дыхание щекотало моё ухо, когда она нагнулась ко мне, потому что на своих каблуках она была выше меня.

— Привет, — негромко произнесла она. — Мне нужно кое-что у тебя спросить. Очень быстро. Хорошо?

Сглотнув, я коротко кивнула.

— Да, конечно, спрашивайте всё, что угодно. — Я не знала, кто она такая, но, так или иначе, она определённо работала на группу. Может, она их менеджер? Я знакома с музыкой группы, но не знаю всех подробностей их дел.

— Хорошо, — сказала она, постукивая ручкой по своей планшетке. — Только так мы сможем отобрать людей, которых Дрезден захочет прослушать. Ответь честно, желательно коротко. Как ты думаешь, что самое важное в том, чтобы быть хорошим гитаристом?

Вот дерьмо! Почему я не подслушивала парня, стоящего передо мной? Чёрт...чёрт...чёрт... что самое важное в том, чтобы быть хорошим гитаристом? Что это за вопрос?

Она посмотрела на меня, но больше не улыбалась. Нетерпение было написано на её мягких чертах лица, гравий хрустел под её нервно постукивающими каблуками. Мне надо что-то ответить, и сделать это в самое ближайшее время. Но что она хочет услышать от меня?

Нет, что Дрезден хочет услышать от меня?

Я чувствовала, как от всех этих переживаний мой мозг просто распух. Мой ответ либо уничтожил меня, либо принес мне награду. Я не знала много о Дрездене, не считая того, как он звучал, когда пел. Ну, я знала, что он избил Джонни Мьюза прошлой ночью. Но это мне сильно не помогло. Я не могла ясно мыслить. Я не в состоянии была сказать хоть что-нибудь.

Смотря на рыжую, я облизнула губы сухим языком. Слово, которое вылетело из меня, жило своей жизнью и покинуло моё подсознание еще до того, как я успела остановить его.

— Порядочность.

То, как она скривила свой рот, отклоняясь от меня, заставило моё сердце провалиться. Этот взгляд не принадлежал тому, кто был доволен моим ответом.

— Извини, что ты имеешь в виду?

Пот стекал по моей спине. Он даже собирался под грудью, причиняя дискомфорт. Что я имела в виду? Это просто вылетело из меня, но... Но это правда, думала я про себя. Это, в своём роде, являлось правдой.

— Э-э, ну. Я думаю, что хороший игрок на гитаре это тот, кто честен с самим собой, с музыкой. Теперь понятно?

Её нахмуренные брови служили отрицательным ответом.

— Хм, Дрезден сказал мне искать кое-что другое.

Моя кожа похолодела. Поражение съедало мою душу. Своим ответом я всё испортила, загнула свой шанс.

— Могу я ответить еще раз?

Она колебалась, покручивая ручку между элегантными пальцами.

— Как тебя зовут?

— Лола Купер.

— Купер? — произнесла она, приподнимая очки, и искоса посмотрела на меня. — Ты сестра Шона?

Подняв гитару, кивнула я ей.

— Да, всё верно. Разве он не говорил, что разговаривал с менеджером группы до этого? Это, должно быть, она!

Посмотрев на меня по-новому, что мне не особо понравилось, она возвратила очки на прежнее место. Слышно, как она что-то записала у себя.

— Оставайся здесь. Минут через двадцать ты зайдёшь.

Мой рот открылся, как только я всё начала понимать. Я хотела поблагодарить её, но она уже двигалась к очереди, которая образовалась позади меня. Выгнав ещё многих, прежде чем она закончит. Я на самом деле собиралась попасть туда, я сделаю это. Я потрясена. Рвущийся наружу смех, заставил меня прикрыть рот, чтобы заглушить его.

Твою ж мать. Это происходило на самом деле.

Я так нервничала, была так неуверенна в себе, чтобы попробовать. Было смешно спорить со своим братом, даже не потрудившись попробовать. Но когда появилась эта женщина, когда все мои шансы выглядели так, как будто они будут порезаны на кусочки, я ощутила неподдельную грусть. Даже если мне надо простоять под жарящим солнцем еще дольше, я сделаю это. Я буду стоять здесь до тех пор, пока меня не сожгут до тла, и пальцы не будут отваливаться от того, с какой силой я сожму свою гитару. Это был он. Это был тот шанс, которого я ждала всю свою жизнь.

Как я могла едва не упустить его.

Глава 2

Дрезден

Барабанив пальцами по столу, я рассматривал повязку и отметины на своей коже, оставшиеся после вчерашней ночи. Может, и вторую руку стоило замотать так же. Люди вели себя так, будто я забил Джонни, может просто стоило смириться с этим.

— Дрез?

Подняв глаза, я встретился со взглядом Портера. Он разглядывал меня, напоминая о том, что я должен был сделать. В центре этой грязной подсобки стоял ребёнок, имя которого я уже не помнил. Он стоял там, нацепив дурацкую ухмылку, и хотел услышать, что я мог сказать на счет его игры. Он брэнчал на протяжении нескольких минут, но я составил своё мнение о нём ещё с первого касания струны. Тем не менее, я позволил ему продолжить. Может, это и было жестоко.

— Дрез, — снова позвал Портер, поторавливая меня. — Что ты думаешь об игре Рейнольда? Рейнольд. Ладно. Я забыл его имя уже через секунду после того, как он упомянул его. Он просто не стоил того, чтобы запомнить его.

— Следующий, — сказал я, быстро осмотрев комнату. Поникнув лицо гитариста, поменялось. Я подумал, что он хотел поспорить со мной — он был бы не прав. В конце концов, он с трудом вышел за дверь и не оглянулся назад. Наступил момент, когда мы снова были одни — вся группа сосредоточилась на мне.

— Какого хрена, чувак? — спросил Кольт, хлопнув кулаком по столу. — Этот парень

был хорош!

— На самом деле, — вздохнул Портер, его оголённые плечи напряглись после того, как он крепко сжал их. Несмотря на татуировки на тёмной коже, он всё равно выглядел как обиженный ребёнок. — Нам нужно двигаться дальше, выбери уже, наконец, этого чертового гитариста!

— Ни один из них не был точен, — ответил я, и полез в карман за сигаретами. Свирепый взгляд Портера остановил меня. — Послушай, прости, но я не смогу заменить Джонни каким-то, бл*дь, ребёнком, который может дёргать за струны.

Кольт фыркнул, демонстративно отворачивая голову так, что я смог увидеть повязку, приклеенную к его уху. Кто-то умудрился отодрать один из датчиков его ушного мониторинга во время вчерашней потасовки — просто ещё один пострадавший от моего решения выгнать Джонни.

— Ты должен кого-то найти, Дрез. Меня не особо привлекала перспектива получить от этого турне лишь очередной шрам.

Поморщив свой нос, я хотел начать спорить, но стук в дверь прервал нас. Мы прослушивали людей уже больше часа. Я знал, что мы должны были вернуться к работе, но мне стало интересно, приблизились ли мы к концу колоды. Или Бренда даже не потрудилась отсеять бездельников, тратящих в пустую наше время?

А что, если она всё-таки это сделала, и это было лучшее из того, что менеджер тура и фанатская шпана могли нам предложить?

— Входите, — проворчал я.

Вначале показались её пальцы, обхватившие край двери. Потом к «тусовке» присоединились слишком большие и голубые глаза. Она была стройной в нужных местах, и округлой во всех остальных. Её обнажённые плечи слегка порозовели от палящего солнца.

Самопроизвольно мой взгляд сфокусировался на том, как плотно сидели на ней джинсы. Местами они были порваны, что значило — человек усердно работал. Также они демонстрировали идеальный изгиб её задницы.

А чем всё кончилось?

Я был занят разглядыванием чехла её гитары.

— Э-э, привет, — произнесла она, разглядывая своими широкими зрачками каждого из нас, одного за другим. — Я пришла на прослушивание, хотя, думаю, это и так очевидно. — Она многозначительно потянула за ремень своего чехла.

Портер стрелял взглядом в мою сторону и наклонился вперед к столу, за которым мы все сидели. Комната была настолько мала, что девушка стояла от нас на расстоянии в четыре-пять футов.

— Как тебя зовут?

— Лола, — ответила она, расстёгивая на полу чехол. Гитара внутри — это фиолетовый Fender Stratocaster, который она вытащила и взяла в руки совершенно непринуждённо. В какой-то момент она осмотрелась вокруг, будто бы была потеряна.

Кольт, поняв смысл её колебаний, поднялся и подключил её гитару к ближайшему усилителю.

— Ты давно играешь? — спросил он.

Она пожала плечами, неторопливо скользя пальцами по колкам гитары и с лёгкостью настроила их. Я сгорбился в ожидании грандиозного провала, но первый же её удар по струнам, заставил меня выпрямиться.

— Ну, наверно, давно. Я начала играть, когда была ещё совсем маленькой; мой брат меня многому научил.

— Правда? — спросил Кольт, возвращаясь назад ко мне. Его лицо выражало снисходительность; он выглядел задумчивым. — Я тоже учился у своего брата. Ладно, ты должна знать одну или две наши песни. Во всяком случае, я надеюсь, что это так, если ты планируешь присоединиться к нам на сцене. У тебя есть какие-то предпочтения в том, чтобы ты хотела бы сыграть?

Девушка посмотрела в мою сторону, посылая мне нервную улыбку.

— На самом деле, я знаю все ваши песни, — сказала она. — Может, парни, вы сами выберите?

Я почувствовал, как все посмотрели на меня, но я был занят тем, что разглядывал Лолу. Было довольно смело с её стороны заявить, что она знала все наши песни. Обнадёживающие и громкие слова тут не помогли.

— Хорошо, — сказал Кольт, его глаза стали узкими как щёлки. Я подозревал, что эта девчонка ему так же интересна, как и мне. — Думаю, это будет легко. Как ты смотришь на то, чтобы сыграть вступление «Black Grit»?

— «Tuesday Left Behind». — Я довольно резко прервал своего барабанщика. Сцепив пальцы между собой, я облокотился на противоположную сторону стола. Синева в глазах Лолы растеклась, словно река, собирающаяся поглотить меня. — Сыграй эту.

Её губы скривились, складываясь в нахальную ухмылку. Меня посетила смехотворная мысль, что она играла со мной, или ей известно что-то, неизвестное мне. — Это одна из ваших ранних, — произнесла она.

Я терпеть не мог наглцов, которые не могли ничем подкрепить свои заявления. Если бы Лола трахалась со мной, то я бы... Чтобы я сделал? Был бы разочарован? В некотором смысле — да; я смутился, подумав об этом. Было в ней что-то такое... что мне хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Лола провела большим пальцем по гитарным струнам. Я ожидал, что она признается, в том что не знает эту песню. Это бы совсем меня не удивило; та песня была с нашего первого диска, который мы выпустили в качестве группы. Она была неизвестной, и довольно непопулярной. Я бросил ей вызов, я не делал ничего подобного ни для кого до неё.

Я ожидал её провала.

Её медиатор опустился вниз, пальцы ударили по струнам, чтобы воспроизвести начальные ноты «Tuesday Left Behind». Ожидание, повисшее в воздухе, ощущалось довольно явно.

И тут Лола начала играть. Её глаза закрывались, скрывая глаза цвета насыщенного сапфира от моего изучающего взгляда.

С непринуждённой лёгкостью, она играла ту песню, что я попросил. Она играла её так хорошо, как не удавалось даже Джонни. Гораздо лучше, чем он играл в последнее время.

Лола обхватывала рукой гриф гитары, скользя вдоль него, принуждая издавать такие звуки музыки, которые желанны были для моего слуха. Они пробирались вовнутрь, забирались под кожу и пробирались до костей.

Она хороша. Она чертовски хороша.

Я заметил, что всё это время сжимал бёдра под столом. Начав менять своё положение, я заметил, что Кольт и Портер смотрели на меня. Этот язвительный взгляд, который как бы говорил мне: «Мать твою, ты слышишь это?»

Да, я слышал, но мне нужно что-то большее, чем подражание. Взмахом руки, дал ей понять, чтобы она остановилась; и меня это странным образом расстроило, потому что я мог бы слушать её часами. — Хорошо, достаточно.

Она вздрогнула, беспокойство тенью пробежало по её нежным скулам. Песня всё ещё отдавалась во всём моём теле.

— Простите, я сделала что-то не так? — спросила она.

Остальная часть группы уставилась на меня. Они разозлились, что я прервал её, но мне было всё равно. Было кое-что ещё, что мне нужно. Я отчаянно хотел узнать, было ли в Лоле то, что я надеялся найти — то, в чём я остро нуждался. Нетерпение выяснить это побыстрее разрывало меня.

— Ты знаешь нашу музыку, это — хорошо. Но я хочу, чтобы ты сыграла что-нибудь другое.

— Я? Что-нибудь другое?

У Портера отвисла нижняя челюсть. Он и Кольт — они уже для себя решили, что эта девчонка великолепна. Однако, всё не так просто. Во всяком случае, не для меня.

— Я хочу, чтобы ты сыграла что-то, что хочется тебе самой. Просто сделай это, покажи мне, что на самом деле двигает тебя к созданию музыки.

Звучало так, будто я сошёл с ума, я уверен в этом. Я уже приготовился к тому, что Лола откроет свой рот и начнёт мямлить. Может она даже развернётся и выйдет за дверь.

Однако, у меня были свои мотивы. Это было тем, что отделяло тех, кто играл от тех, кого играют. Джонни был искусен, я никогда не утверждал обратного. Но в нём никогда не было драйва; и это сдерживало его от того, чтобы показывать всё самое лучшее, на что он был способен, на каждом шоу. Процесс написания музыки его не интересовал.

Этот мудака просто хотел быть знаменитым. Давайте посмотрим, отличается ли эта девчонка от него.

Лола смотрела на меня. Но это не был взгляд испуганного оленёнка, как я ожидал.

Мерцание её глаз отливалось платиной; это лицо принадлежало возбуждённой женщине.

И это возбуждение было заразно.

Я заметил, что наклонился вперёд и затаил дыхание, прежде чем она начала играть.

Она опустила пальцы, проводя ими по струнам. Движение было резким, и звук лопался у меня в мозгу, как спелый апельсин. Ещё я чувствовал, как учащался мой пульс, подстраиваясь под её удары по струнам. Лола по-настоящему пробудилась.

Песня, которую она играла, пробирала меня до самых корней волос. Она опускалась всё ниже и ниже, проникая так далеко вглубь меня, что мне пришлось сдвинуть свой стул.

Она великолепна. Настолько хороша, что её музыка поймала меня в капкан. Она плотно окутала меня, искушая погрузиться в неё полностью, и позволить ей продолжать дальше.

Глаза Лолы закрылись, нижняя губа слегка прижата была к зубам. Она проживала этот момент так, будто он был для неё последним. Мне знакома эта картина: это язык тела того, кто находился в творческом трансе внутри себя.

Малейшее движение, которое она совершала, было целенаправленным. Она перемещалась по гитаре так, словно была миром, в котором проживала всю свою жизнь. Не было ни инструмента, ни песни, существовало только её таинство.

Кто эта девушка? Я задавался этим вопросом, отмечая про себя, что так сильно ухватился за край стола, что кончики моих пальцев побелели. Её осанка отвлекала, спина

выгибалась крутой дугой.

Я представил, как её тело могло изгибаться в другой обстановке. Где-нибудь в тёмном углу переулка — голова запрокинута назад, а дыхание растворяется в ночном воздухе.

Черт, спокойно!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Покрутив головой, я щёлкнул пальцами, разрушая заклятье, которое Лола наложила на всех нас. Кольт и Портер открыто пялились, и, более того, начали аплодировать, когда прозвучал её последний звук.

— Твою мать! — закричал Портер, вскакивая и хватаясь руками за голову. — Леди, да вы просто офигенная! Ты принята, ты, реально, принята в ...

— Портер, — огрызнулся я.

— ... группу, и мне наплевать, что там Дрез должен сказать по поводу всего этого, ты ...

— Портер! — Но он проигнорировал меня так же, как и Кольт. Они были слишком заняты тем, что подлизывались к малышке, смеясь и хлопая ее по спине.

Надо отдать должное, её глаза смотрели только на меня. Она не сказала ни слова, тем двум.

— А ты что скажешь? — спросила она с мольбой.

Отбросив ногой стул, я встал во весь рост.

— Ты молодец. Кольт, иди скажи Бренде, чтобы отослала всех прочь.

Он не стал терять время даром. Я принял решение; он и Портер сомневались, что я когда-нибудь уже это сделаю.

Поджарый барабанщик исчез за дверью, оставляя нас троих позади.

Лола находилась в шаге от того, чтобы не впасть в панику.

— Постой. Чёрт, подожди, это означает именно то, что я думаю?

— Бренда уладит всё с документами. Будь готова к двухдневным изнурительным репетициям, — усмехнулся Портер.

Обойдя стол, я протянул девушке руку, награждая кривоватой улыбкой.

— Ты же хочешь быть в группе?

— Конечно! — Её удивление было таким ... искренним. Даже то, как она пожала мою руку, дрожа всем телом — всё было таким искренним. Тепло её кожи направило дрожь по моему позвоночнику. Прежде, чем я успел себя остановить, я крепче сжал её ладонь.

Вспышка замешательства в её глазах превратилась во что-то чувственное — страсть и жажда большего. Всё произошло так быстро, что я не был уверен в том, должен ли я двигаться дальше или отступить. Я не знал, нравилось ли мне то, как скоро она заставила моё сердце биться чаще.

Я без промедлений отпустил её. Было непривычно, чтобы кто-то заарканил меня так быстро. Заставив себя говорить прямо, изображая равнодушие.

— Отлично. Работа будет тяжёлой, но если ты не возражаешь против этого, то всё будет в порядке.

— Конечно же, я не против! — Её чрезмерный энтузиазм удивил нас обоих. Потерев затылок, она застенчиво отвела глаза в сторону. — Это сумасшествие. Я никогда не думала, что вы выберете меня. Вот, подождите, когда Шон узнает...

Горечь начала пожирать меня изнутри. Я не знаю, что это, но оно жарило и прожигало, как кислота.

— Кто такой Шон? — И какого хрена мне это интересно?

Лола наклонилась и начала возиться со своей гитарой, чтобы убрать её.

— Мой брат. Он был тем, кто заставил меня прийти сюда.

Это меня успокоило. Дерьмо, почему это должно меня успокаивать? Означало ли это, что у неё никого не было? Черт. Возьми себя в руки. Прочистив горло, я собирался начать говорить. Но распахнулась дверь, лишая меня всяких шансов.

Бренда протискивалась вовнутрь на своих убийственно тонких каблуках, снаружи доносились разгневанные голоса. Она улыбнулась мне, но улыбка не касалась её глаз.

— Ладно, ты выиграл. Ты говорил, что найдёшь кого-то на замену Джонни, и тебе удалось это. Я должна тебе выпивку, но ты всё ещё должен мне извинение.

Я начал пальцами искать пачку сигарет, нащупав её, я не достал.

— Не сейчас. Просто дай малышке все документы, потому что я уже хочу свалить.

Закатив глаза, мой менеджер подошел к Лоле, сверкая своими керамическими зубами. Она привлекла внимание своей абсолютно идеальной красной помадой на губах. Её деловитость в качестве манеры поведения никогда не вписывалась в неряшливую атмосферу рок-турне, но Брендю это не волновало. Она также, как и я любила всё делать по-своему.

Вот, почему между нами постоянно происходили стычки.

— Во-первых, прими мои поздравления, — сказала она, пожимая плечо девушки своими пальцами с наманикюренными ногтями, и повела её к дешёвому пластиковому столику.

Любезно улыбаясь — может, она всё ещё была взволнована полученными новостями — Лола пошла за ней. Одна её рука лежала в кармане, а второй она ворошила свои волосы. Бренда заставила её нервничать? Или Лола просто стеснялась?

Да кого, нахер, волновало это? Я сделал резкий вдох и отвел взгляд, когда словил Брендю за тем, что она изучала предплечье Лолы и прокомментировала её татуировку. Мне нравилось тату на женском теле. Они не просто украшали тело: правильная татуировка всегда рассказывала свою историю.

Какая история у Лолы?

Не западай на новое лицо, только потому что оно принадлежит талантливому человеку.

Потрясающему и возбуждающему...

Черт.

— Подпиши здесь, — сказала Бренда, указывая на стопку документов, лежащих на столе.

— Мне следует это прочесть? — спросила она. Беспокойство в её тоне возвратило мой взгляд обратно. Она сощурилась, пролистывая страницы.

Бренда скрестила руки от раздражения, её ответы были острыми, как бритва. — Здесь всё стандартно. Предполагаю, что ты, наверняка, видишь контракт исполнителя не в первый раз.

Что, чёрт побери, это значит?

Румянец на щеках Лолы, как шампанское — такой же дразнящий. Мне нужно срочно было покурить. Перегнувшись через стол, она нервно засмеялась. Звук ручки, скользящей по бумаге, заставил мою кровь вскипеть в венах.

Она подписала контракт. Дело сделано, теперь Лола принадлежала моей группе.

— Ну, вот, — сказала она, встретившись с Брендой глазами и протягивая ей контракт. — Честно говоря, Шон никогда не обсуждал со мной вопросы такого рода.

Мой менеджер протянул руку с изящными пальцами к Лоле и обменялся с ней крепким рукопожатием. — Я думаю, не все такие откровенные. Но это не важно, теперь у тебя есть свой контракт, чтобы показать ему. — Это заставило Лолу улыбнуться, её взгляд, поверх плеч Брендды, быстро переключился на меня.

— Добро пожаловать в «Four and a Half Headstones», Лола Купер.

Купер. Адреналин и леденящее чувство тревоги наполнили мои внутренности. Купер. Твою мать. Она младшая сестра Шона Купера.

Понимание проникало в мою голову, сотрясая там всё. Оно приносило с собой воспоминания прошлых лет.

Невероятно ... Лола не первая из Куперов, кто попытался и попал в мою группу.

В отличие от её брата ...

Лола не провалилась на прослушивании.

Знает ли Лола об этом? Она должна ... конечно, она знает.

Лола посмотрела на меня с таким неподдельным восторгом, что заставило моё сердце отбивать барабанную дробь. Но у меня возникли подозрения. Мне не хотелось быть таким, но мне слишком хорошо знакома боль предательства.

И что теперь мне делать?

Возврат к прошлому ничего не решит. Она нужна мне, нет больше никого, настолько идеально подходящего этой группе. Моей группе. Мне.

Я не знаю, она хочет навредить мне или поиметь меня.

Мне это неизвестно ... пока неизвестно ...

Она — наш единственный шанс выжить в этом турне.

Глава 3

Лола

Мне не верилось. Я просто не могла, мать твою, в это поверить! Я — новый участник группы «Four and a Half Headstones». Охренеть. Неужели мне могло так повезти? Один взгляд на лицо Шона, когда я протянула ему бумаги, был тому доказательством, хотя, моя глупая улыбка сказала все сама еще раньше.

— Ни хрена себе, — выдохнул он, схватив контракт. Взглянув сначала на него, потом на меня, он стал размахивать бумагой, словно флагом. — Тебе, в самом деле, это удалось! — Мы начали вместе смеяться, и впервые в жизни... до бесконечности, Шон обнял меня с такой силой, что хрустнули все ребра. Мы стояли внутри автобуса, когда завелись двигатели. Все уже были готовы сорваться с места — нужно было поторапливаться, чтобы отправиться в путь. Потерев свой нос, я свернула контракт и положила в свой задний карман.

— Впечатлён? Да, чёрт возьми, — сказал он; мышцы на его руках играли, когда он сгибал их. — Как всё было? Как себя вёл Дрезден и все остальные? — Упоминание о высоком солисте с пронзительным взглядом зелёных глаз, заставило мои щёки пылать. Как же всё там было? Я никогда не смогла бы объяснить. Дрезден одновременно и пугал меня, и притягивал. Быть рядом с ним означало, что ты чертовски смел, чтобы приблизиться к дикому торнадо.

— Он был — это было здорово, — сказала я. — Они попросили меня сыграть одну из их

песен, и, по-видимому, они решили, что я — ничего, — я попыталась пожать плечами с будничным выражением лица, но сияла слишком ярко, чтобы изобразить безразличие. — Шон, я в их группе. И я еду в турне!

— Я знаю, знаю, — посмеивался он, глядя в переднюю часть автобуса. — Ты должна собрать свои вещи и поторопиться туда. А то они уедут без тебя. Воспоминание о том, как Бренда сказала мне, что я буду ездить вместе с «Four and a Half Headstones», что даст мне возможность использовать каждую минуту для репетиций, отрезвляло меня.

— Я... Боже. Я в самом деле должна это сделать. — Шон кивнул, в его глазах отразилось что-то такое, что я не смогла распознать.

— Да, ты должна. Сделай так, чтобы они гордились, а самое главное, сделай так, чтобы я тобой гордился. Не расслабляйся, и на следующей остановке я хочу, чтобы ты мне рассказала всё о том, как прошла репетиция, хорошо? Эта просьба не казалась странной, а только та настойчивость, с которой он её произнёс.

— Да. Без проблем. — Его объятия, на этот раз, были немного слабее.

— Ладно. А, теперь, выметайся отсюда к чёртовой матери, рок-звезда. — Он дразнился, но прозвучало это почти как оскорбление. Я сделала что-то такое, что его расстроило? Охваченная странным беспокойством, я обняла его ещё раз. Потом схватила свою сумку и гитару, и прыгнула вниз по ступенькам автобуса. Что происходило с Шоном? Я не могла это объяснить, но моя интуиция просто вопила душераздирающим криком. Я знала Шона всю свою жизнь. И видела, когда он вёл себя не как обычно. Я решила подумать над этим позже. Идя вприпрыжку; сейчас мне нужно было думать о нечто большем, нежели, чем о своём брате. Я попала в настоящую, чёрт побери, группу, я приму участие в турне!

Сегодня я проснулась с надеждой, что не закончу жизнь тем, что сломаю шею, выполняя своими руками всю работу для «Barbed Fire» снова. Как я ввязалась во всё это? Некоторые люди глазели на меня, пока я шла к огромному чёрному исполину — концертному автобусу «Four and a Half Headstones». Молва быстро разнесла, что я — не производящая особого впечатления Лола Купер, теперь новый гитарист. Было трудно не улыбнуться восхищённым взглядам. И даже злобные взоры заставляли меня ощущать себя просто превосходно.

Лестница открылась передо мной, стеклянные двери раздвинулись по сторонам.

Водителем был пожилой мужчина, его расплывшееся тело с трудом вмещалось на сидении. Он

одарил меня нетерпеливым взглядом, резко развернув подбородок к плечу. — Поторопитесь, леди, нам нужно двигаться.

— Простите, я должна была собрать свои вещи, — ответила я поморщившись. Его скучающий взгляд говорил о том, что ему это не интересно. Моё настроение немного упало от кислого взгляда этого человека, пока я поднималась по ступенькам. Затем я увидела автобус изнутри, и всё снова наладилось. Бархат, кожа и, вне всякого сомнения, даже шёлк... автобус внутри был настоящей сокровищницей дорогих материалов. Каждое сиденье было огромным, сделанным для того, чтобы погрузиться в него и уже не беспокоиться о том, чтобы вылезать из него. Я заметила не один, а целых три мини-бара, заполненные до отказа бутылками. В отличие от того, как было жарко в автобусе «Barbed Fire» по причине неработающего кондиционера, на борту этого же стояла приятная прохлада. Не было ни

единого шанса, что палящее солнце снаружи могло пробраться сюда. Ничего себе. Я с удивлением осмотрела всё вокруг себя. Вот одно из преимуществ того, когда ты — настоящая рок-звезда. Шон бы страшно завидовал, если бы увидел всё это. Вдруг, меня осенило, что, скорее всего, ему обо всём известно.

В задней части прохода висел большой занавес. Сквозь него мне слышен был знакомый смех. Тощий бледный парень, который зашёл за толстую материю, разговаривал с кем-то, кого я видеть не могла. Это Кольт, барабанщик, — дошло до меня. Я узнала бы его с любого расстояния, почти так же легко, как Дрездена. Он заметил меня, и улыбка смягчила черты его худощавого лица. — Эй! Лола! Мы ждём тебя, я, даже, пошутил, что ты сбежала.

Водитель рванул и вывел автобус на дорогу так, как если бы дожидался именно этого момента. Я сильно качнулась вперёд, но ухватилась за сиденье, частично падая на него вместе с сумками на плечах.

— Простите! — Я сказала, изо всех сил стараясь удержать равновесие. — Мне просто были нужны мои вещи. Могу я поставить их куда-нибудь?

Пожав плечами, он мотнул головой в сторону занавеса, из-за которого только что вышел.

— Можешь поставить сюда. Иди и выбери себе койку.

Койку? В груди начало вибрировать от этой идеи. У них здесь есть настоящие кровати? Не будет сна, от которого моя шея будет вдавлена в угол окна? Осторожно выпрямляясь и покачиваясь, пошла вниз по проходу, следом за Кольтом. За чёрным занавесом показалась остальная часть автобуса, такая же потрясающая, как и всё остальное. По всей длине прохода было расположено множество ниш, большинство из которых закрывали занавески. Пространства было маловато, но было просто огромно по сравнению с тем, где я спала до этого.

— Бросай свою сумку здесь, а гитару бери с собой, — сказал он. Кивнув, я оставила свои вещи на матрасе в ближайшей пустой комнате. Кольт сделал мне знак пальцами, поэтому я последовала за ним вглубь автобуса.

То, что я увидела дальше, просто взорвало мой мозг. В задней части автобуса была обустроена студия. Там были колонки, провода и плотная обивка стен, для смягчения шумов. Там было немного тесно, но это была студия на колесах, чёрт побери. Я не могла судить об этом месте слишком строго. Дрезден и Портер расслабленно сидели, поигрывая на своих инструментах. При моём появлении все взгляды взлетели вверх, уставившись на меня. Не зная, что должна была сделать, я слабо пошевелила своими пальцами.

— Привет, ребята.

Портер отстукивал свой ритм, а свет, который проникал сквозь крохотное окошко наверху, играл в волосах его блондинистого ирокеза.

— Добро пожаловать на вечеринку, — пробурчал он.

Дрезден ничего не сказал, крутя бутылку воды в своей ладони. Я видела кусок провода, обвивший его колено и микрофоны, которые свисали точно, как виноградная лоза со зрелыми

плодами. Напряжённость вокруг него, несмотря на то, что все остальные были рядом, заставило моё горло плотно сжаться.

У него были глаза убийцы. Вспоминая разговоры о Джонни Мьюзе, о том, как Дрезден избил его до состояния кровавого месива. Мозг, остановился. Я никогда этого не видела, так,

что не посылала себе мнимые жестокие картинки. Тем не менее, алая кровь заполнила всё перед моим мысленным взором.

— Хочешь выпить чего-нибудь? — спросил Кольт, проскальзывая рядом со мной в сторону холодильника. По-моему кивку он бросил мне бутылку. Неумело словив, я прижала её к своей груди. Портер опустился рядом со своими барабанами, опытными руками схватив гладкие палочки.

— Мы должны быть откровенными с тобой, Лола. — Они притихли, ожидая моего ответа. Моргнув, я села на скамью около стены, как можно дальше от Дреза.

— Конечно. Хорошо, продолжай, откровенно. — Кольт приоткрыл губы, но Дрезден оказался первым, кто заговорил. Его голос был мягкий и оживлённый, как лёгкий осенний ветерок.

— У нас есть только два дня до следующей остановки в нашем туре. Нам нужно, чтобы ты была готова, в противном случае мы будем выглядеть, как придурки, на сцене. Понимаешь меня?

— Да, — пропищала я, потом попыталась ещё раз. — Да. Я понимаю это, не беспокойся. Я готова сделать всё необходимое, чтобы произвести впечатление на мир.

Барабанщик повернул шею, огромные наушники грохотали в его ушах.

— Это ты сейчас так говоришь. Дождёмся окончания этой репетиции, и вот тогда мы посмотрим на твой решительный настрой. — Его сомнения взволновали меня, желчь разъедала мой голос.

— Всё будет в порядке, — сказала я, схватив свою гитару, чтобы настроить её. Я сжала колки слишком сильно, моя кожа начала ныть. Неужели, они думают, что я такой жалкий новичок? Лёгкий шорох заставил меня посмотреть вверх. Дрезден возвышался надо мной, так что мой взгляд был на уровне его талии. Он наклонился и протянул мне какие-то бумаги, меня окутал мягкий запах табака и цитруса. Ублюдок...он хорошо пахнул.

— Вот, — сказал он, махая страницами. Впервые я обратила внимание на повязку на

костяшках его пальцев. — Музыкальная партитура наших песен. Ты должна придерживаться её, не смотря на то, что ты говоришь, что уже все из них тебе известны. Мы начнём с «Black Grit».

Я покраснела...почему я покраснела? У него была такая энергетика, которая просто ошеломляла меня. Она душила и вселяла в меня смелость взять в себя как можно больше от её сущности или ощущать себя как в тумане. Сосредоточься, забери у него бумажки. Мои пальцы дрожали, когда я протягивала руку. Успокойся, твою мать! Кричала я в своей голове, сражаясь с непримиримыми эмоциями внутри себя. Я вела себя как фанатка, но почему? Потому что он — Дрезден, вот почему? Ты в буквальном смысле была его фанаткой на протяжении нескольких лет. Ты слушала его музыку, танцевала под неё, пела её, засыпала вместе с ней. Ты знаешь, какой он талантливый. Сколько в нём энергии. Это было так. Это было именно тем, чем являлось на самом деле. Он отошел на своих длинных ногах, не выражая никаких эмоций. До этого момента так и не присел, он схватил микрофон и выпрямился во весь рост.

— Здесь звук будет тише, чтобы наши уши не разорвало от него. Помни это. — Кивнув, я устроилась на скамье; листы с нотами были на моих коленях. Бумага немного

смещалась от моей дрожи, и я оперлась на всю стопу, чтобы остановить это. Кольт

постукивал своими палочками, наигрывая короткими движениями, Дрез сделал глоток воды. А затем они начали. Это было частное шоу «Four and a Half Headstones» — лично для меня. Шоу, частью которого была я сама.

— Ты борешься со мной, — начал Дрез, его слова струились как песок. — Я загнан в угол — это дело твоих рук, и я не могу твёрдо стоять на собственных ногах. — Он напевал низко, с небольшой дрожью, его голос окутывал меня от головы, спускаясь к животу. Я почти забывала что-то наигрывать по своим нотам. Он так хорош, думала я о нём с благоговением. Он был рождён, чтобы петь. Дрезден закрыл глаза, ощущение его голоса скользило сквозь моё горло в мои уши так, как будто всё принадлежало ему. — Сражайся со мной, презирай меня, убей меня! Колыт подчёркивал его крики, ударами по тарелкам барабанной установки, мой мир

превращался в древнее противостояние металла и дыма. Ещё никогда мне не приходилось прилагать столько усилий, чтобы собраться с мыслями. Чтобы хотя бы просто дышать...

— Сражайся со мной, — рычал Дрезден. — Всего одна ночь отделяет нас от падения. Сражайся со мной когтями и клыками. — Его глаза — зелёные морские глубины страстного желания, открывались, сосредотачивая взгляд на мне. — Ты сражаешься со мной, и я не могу устоять на ногах.

Я ошиблась, последний аккорд отдался в моих ушах, вызывая отвращение. Моё лицо

пылало, и я склонив голову продолжала играть. То, как он пел, не давало мне возможности

сконцентрироваться. Если бы Дрезден положил руки ко мне на плечи, даже тогда бы он не смог стать ближе ко мне, чем это было сейчас. Что со мной не так? Жар в моём животе предостерегал о том, что это нечто большее, чем обожание или нервное потрясение от вида знаменитости. Я чувствовала, как меня тянуло к Дрездену, такое я чувствовала только тогда, когда читала обзоры в журналах. У меня был единственный парень, и то недолго, мы расстались сразу же после окончания школы. Его звали Гарольд. Я его называла «озабоченный Гарольд», потому что он постоянно хотел трахнуть меня..., а я всегда очень боялась.

Он — единственный, кто заставил меня желать его прикосновений ко мне. «Я не должна думать про это» — размышляла я отчаянно. Были серьёзные основания для моего нахождения здесь. Я должна сделать так, чтобы у меня всё получилось — это колоссальная возможность.

Может, единственная, которая выпадала мне когда-либо. Мне было стыдно — странное волнение поглощало меня, я теряла почву под ногами. Я не могла играть так, как обычно. И все чувствовали это.

— Стоп, — возглас Дрездена заставил меня остановиться, я вновь взяла не ту струну. Из-за этого противного звука мои волосы стали дыбом. Но ещё хуже было то, как он уставился на меня, низко сдвигая брови. — Ты, — рявкнул он на меня, — что за хрень это была?

— Я... это... видимо, просто...

— Заткнись, — рявкнул он, сдавливая микрофон до такой степени, что с костяшек пальцев отхлынула вся кровь. Я предположила, что ему хотелось бы, чтобы это было моё горло. — Ты прикалываешься над нами?

— Нет!

— Тогда, включи свои мозги и попробуй ещё раз, — сказал он, откидывая свои волосы назад. Портер подпрыгнул, когда Дрезден указал на него, — играй «No More Stars». —

Басист нахмурился.

— Конечно, чувак, успокойся, — заявил Дрездену с блеском в глазах. Никто больше не сказал ни слова, тишину нарушили беспокойные постукивания пары барабанных палочек Кольта.

Там, где до этого было предвкушение, теперь росла вязкая напряжённость. Я произвела впечатление на этих парней во время своего прослушивания. Их восхищение таяло на глазах. Я раздражённо представляла ту версию себя самой, которая предстала перед ними, то порождение меня, которое выглядело, как чудо-ребёнок. Теперь же я превратилась в вызывающую сожаления случайность. «Я не случайность, я умею играть» — напомнила я сама себе. И им я напомню об этом тоже. Жёсткий медиатор в моих пальцах щёлкнул по струнам гитары. «No More Stars» была песней с тревожным началом. Протяжные ноты, объединяясь с ощущением дурного предзнаменования, ускорялись, становились громче, и рассеивались, уступая место словам, которые парили между ними. Глубокие, глухие удары исходили от барабанов. Нас было трое, мы были там, предвещая рождение стихов Дрездена. В то время, как он пел, я зажмурировала свои глаза. Я не посмела бы испоганить всё снова. Неважно насколько хорош был его голос, или как он скользил по моим рёбрам и затрагивал ту частичку меня самой, чего быть не должно, но это не выбивало меня из колеи. Он приоткрывал свои губы, но я не смотрела на него.

— В темноте ты идёшь ко мне. В темноте, — хрипел он. — Ты почти не видишь. Отступи и ты не истечешь кровью. Отступи и я... я буду освобождён. С ударом, опуская руку вниз, жесткие аккорды разрушали короткий момент тишины. Все вместе, мы ворвались в эту тишину — унисон. — Больше не будет звёзд! — Вопил Дрез, чистая энергия, проникала в самые глубины моей души.

Это было подобно требованию, он заставил меня открыть глаза. Дрезден был катастрофой, свидетелем которой я должна была стать, даже зная, что это не принесёт мне ничего, кроме кошмара. Дикая зелёная средоточия находили меня, его лицо побагровело, губы надменно поднялись над оскаленными зубами. Это лицо человека, который хотел бороться или спастись бегством, или отыметь кого-нибудь. Энергия в чистом виде. Он даже не дошёл до второй части припева, а я уже сыграла мимо нот. Пронзительная вспышка, столь фальшивая, заставила Портера сорваться на крик. Дрезден замер, микрофон завис перед его сжатыми челюстями. На этот раз меня не смущало его проявление эмоций. Это лицо говорило «борись», каждой морщинкой и складкой на коже. «Чёртовая хрень» — всё, что я могла подумать. Я была рада, что не ляпнула это вслух.

Отзвучала последняя неприятная нота. Дрез позволил своим рукам опуститься вниз, и на одну ужасную секунду мне показалось, что микрофон упадёт тоже. Он сделал шаг вперёд, сокращая небольшое пространство между нами. Я не видела его рук, просто почувствовала, как он поднял меня. Мы оказались лицом к лицу, его резкий запах пота заполнил мою

голову.

— Ты это нарочно делаешь? — прорычал он.

— Нет! — Я закашлялась и царапнула его запястья. Только мои пальцы касались земли. Неужели он настолько выше меня? — Нет, прости! Я просто...

— Просто что? — огрызнулся он, устраивая мне встряску. Я хотела, чтобы его гнев унял волнение в моём сердце. Вместо этого, почувствовала зарождающееся пламя. Сухожилия на его руках сжимались от моих нервных прикосновений. Он делал так, что я совсем не соображала! Я должна убраться отсюда, подальше от него...

— Дрез, — Кольт был тем, кто произнёс это, вставая между нами двумя. Он был достаточно силён, весь из плоти и крови. У него было тело пловца, а голова была лишена волос. Он мельком взглянул на меня, отталкивая назад. Я упала на скамью, как варёное спагетти. — Оставь ребёнка в покое. Она просто нервничала, это слишком большой стресс для неё.

«Хватит называть меня ребёнком», — подумала я в момент сильнейшего гнева, «Я не намного моложе большей половины из вас!». Я — один сплошной комок нервов. Даже в те моменты, когда я в порыве гнева едва ли не извергала пламя, и в драках, в которых иногда принимала участие, никогда не было ни одного человека, кто бы посмел сделать со мной то, что удалось Дрездену. То, как вокалист насмешливо фыркнул, глумясь надо мной с ухмылкой на лице, превратило всё моё нутро в ледяную глыбу.

— Да? Нервы? Тогда, это не проблема! Но это не то же самое, что выступать перед огромной грёбанной толпой через день или что-то в таком же роде!

— Успокойся, — сказал Портер из-за угла.

Подняв глаза вверх, я увидела, что здоровяк смотрел на меня. Его тёмно-карие глаза были наполнены жалостью... Я ненавидела это. Потерев свой лоб, а затем и шею, я заставила себя подняться. Надеюсь, что они не заметят, как тряслись мои колени.

— Я в порядке. Кольт прав — это просто нервы. Я приду в себя, мне просто нужно продолжить репетицию

— Да, тебе нужно продолжать репетировать, — сказал Дрезден. Широкая спина была повернута в мою сторону, его руки пытались что-то извлечь из заднего кармана. — Я пойду покурю. Продолжайте без меня.

— Дрез... — начал Портер, но было уже поздно. Все мы смотрели, как солист торопливо покидал комнату, продвигаясь дальше по гастрольному автобусу. Вздыхнув, Портер снова посмотрел на меня. Жалости больше не было видно. Но сочувствие не намного лучше. — Прости за это. Дрез не самый терпеливый парень.

Покачав головой, я слегка коснулась своей груди. Слава богу, в моём сердце понемногу ослабевала напряжённость. Почему, чёрт возьми, я была так взвинчена? Это должно быть вся близость кого-то такого известного как Дрезден.

— Всё нормально. Он прав. Мне нужно продолжить репетиции. Может мы ещё раз попробуем сыграть «No More Stars» снова? — Я хотела что-нибудь сделать со своими руками. Они зудели от того, что хотели почувствовать что-то. Или кого-то.

— Да, — ответил Кольт, возвращаясь к барабанам. — Чёртов Дрез, пока начнём без него.

Моя улыбка была едва различимой, но всё-таки она была. Слушая их небрежные упрёки по отношению к своему фронтмену, я сделала так, что всё выглядело не настолько сверх

безупречно. Это напоминало мне о том, когда я играла в небольших группах, окружённая ребятами, головы которых не находились под давлением огромного турне.

Когда мы играли песню во второй раз, мои пальцы ни разу не подводили меня.

Было очевидно, что они довольны. Они были в самом деле впечатлены, когда я проделывала то же самое в трёх частях. Опустив свой бас, Портер стремительно подошел ко мне. Гигантские руки обернулись вокруг, раздавливая меня и, похоже, что и мою гитару тоже.

— Твою мать! Ты трахалась с Дрезденом?

— Нет. Конечно же, нет. — Выскользнув, я поправила свою рубашку. Портер при желании мог бы переломать мне рёбра.

— Тогда, почему, ты играла гораздо лучше? — спросил Кольт, выпивая залпом воду. Он весь блестел от игры на барабанах. Я открыла свой рот, но тут же закрыла обратно. Как я это объясню? И могу ли я вообще объяснить это? Но я была избавлена от попытки дать ответ, когда Дрезден вернулся обратно. Бросив взгляд в мою сторону, чем заставил мои щёки и шею покраснеть, он скрестил руки на груди. Запах сигарет на нём ощущался намного сильнее, чем обычно.

— Я всё слышал. — Невероятно, но я ощущала вспышку вины. Дрез посмотрел на меня, его взгляд... чем-то был отягощён. Недоверием? Гордостью? — Нервы это были или нет, но ты играла гораздо лучше, — произнёс он.

— Да. Спасибо. — Я не знала, что ещё сказать ему. Он наклонил голову, переводя взгляд с меня на других участников группы.

— Давайте прогоним это ещё раз. — Началась беспокойная суета. Часть её исходила с моей стороны.

— Ты уверен? Может, нам всем взять перерыв? — пробормотал Портер. Дрез уже держал микрофон в руках, крепко обхватив его кулаком.

— Ещё одна песня. И потом перерыв.

— Тебе легче, ты только что перекурил, — спокойно сказал Портер.

Усаживаясь на скамью, я сидела как на краю лезвия, которыми были мои нервы. Я собиралась снова облажаться? Или я смогу сдержать ту часть себя, которая прямо млела, когда Дрез пел слишком близко ко мне? Для раздумий было ничтожно мало времени.

— «No More Stars», — потребовал Дрез, его глаза скользили по нам троим. В ответ Кольт начал барабанить своими палочками, задавая на своём басу такую низкую ноту, что тиски сжимали живот.

Я была скользкая от пота, когда наигрывала своё. Даже кондиционирование воздуха не могло ничего сделать с пламенем внутри меня. Но я не ошиблась, только не сейчас. Несмотря на Дреза, смотрящего на меня и ожидающего (а ждал ли он?) моей ошибки, я контролировала себя. Я долго не продержалась. Моё нутро выкручивалось как клубок змей, когда Дрезден облизывал свои губы. Его первый шёпот проскальзывал, скользил по моим рёбрам, запутываясь и оставаясь в моём сердце.

— В темноте ты идёшь ко мне. В темноте ты почти не видишь...

Воздух покинул мои лёгкие. Я рада, что я — единственная, кому не надо было сейчас петь. Мой рот был чем-то сухим и жидким одновременно. Сначала я прижимала свой язык к внутренней стороне зубов, а потом решила пойти дальше, и закусить его. Моя боль помогала

мне сосредоточиться, поэтому я была довольна этим. Это напоминало мне о доме — воспоминания о жестокости подросткового возраста, когда причинение боли решало все проблемы, ещё свежие в моей памяти. И я понимала, что это решало ещё одну проблему. Ощущая резкий привкус меди, я с удивлением слушала свою музыку. Текст Дрездена был на переднем плане, а я же создавала фоновую часть, которая просто была безупречна.

Воздух в комнате был наполнен напряжением. Они все работали, пребывая в полной неожиданности. Посмотрев наверх, увидела, как Дрез пожирал меня глазами. Он не моргал как будто бы то, что он смотрел на меня, было всем, чего он хотел. Раскрасневшись от возбуждения, я увеличила силу укуса.

— No More Stars! — пел Дрез, разбивая в пух и прах завершающую ноту. Мы одновременно били каждый по своему инструменту, создавая дикий грандиозный звук.

Это был звук «Four and a Half Headstones». Звук, частью которого была я сама.

Окончание песни просто взорвало комнату. Дрез держал микрофон двумя руками, прижимая его близко к изгибу своих губ. — Отступи и ты не истечёшь кровью, отступи и я... я буду освобождён. — Я даже не заметила, что он закрыл глаза. Я знала только одно, он снова смотрел на меня, заставив меня содрогнуться. Окончание красивой мелодии уносилось прочь, она была только фантомом для нашего слуха.

— Да, на хрен, блин, — сказал Портер выразительно. Опустив свою бас-гитару, он внимательно всматривался в наши лица. На его лице медленно расплывалась улыбка, постепенно показывая его зубы. — Малышка сможет сделать это. Теперь ты убедился, Дрез?

Отложив микрофон в сторону, он открыл очередную бутылку воды и выпил залпом четверть её. Вытерев губы рукой, он пожал плечами.

— Думаю, скорее всего это были нервы.

Ёрзая, я схватилась за гриф своей гитары. Прищурившись, Дрезден посмотрел в мою сторону, что говорило о том, что на самом деле он не был уверен в том, что говорил. Он был опасно проницательным. Кстати, я также не думала, что дело было в нервозности.

— Перерыв. Мне нужно отдышаться, — Кольт выбрался из-за своей барабанной установки, он улыбнулся, когда проходил рядом со мной. — Пойдём, Лола. Ты голодная?

Втянув свой живот, я поднялась.

— Да, на самом деле я... Ох! — Смесь слюны и крови рвались из моего рта. Сжав ладонью свою челюсть, я сглотнула. Я хотела скрыть свидетельство того, как сильно я укусила себя. Подняв глаза, со своей паранойей обнаружила лишь Дреза, смотрящего в мою сторону. Портер и Кольт — вдвоём, проскользнули за занавес, вместе смеясь над чем-то. Он видел? Он не двигался, просто стоял на месте, скрестив руки. Чёрт. Насколько сильно я прикусила свой язык? Но я должна была, это сработало! Я наконец-таки сыграла песню. Моё сердце колотилось где-то в области моего горла.

— Сильно болит? — спросил он меня.

Я покачала головой, заглушая свой голос рукой. Опустив свои брови, Дрез наклонился ближе. От этого я застыла на месте. Я не сопротивлялась, когда он схватил моё запястье и потянул за руку. Он осмотрел меня, но не так, как это делал бы врач. Это было больше похоже на следователя, изучающего тело умершего. Он изучал меня, но в любом случае, в этом не было ни капельки заботы.

— Открой, — сказал он властно.

К своему великому удивлению, я не решилась сделать это. Дрез был ошеломлён, его глаза мерцали, по мере того, как широко раскрывались от удивления. Он с мрачным выражением, показал ряд зубов.

— Детка, я сказал тебе открыть. — Не дожидаясь, он сжал мой рот большим пальцем с одной стороны и нажал остальными с другой. Мне было больно, с моих губ срывался болезненный вздох.

— Отвали! — сказала я, отстраняясь назад, крайне остро ощущая слишком много разных чувств одновременно. О чём только думал Дрез, когда касался меня таким вот образом? Он не имел права подходить ко мне так близко. Это разозлило меня... И от этого ещё у меня голова начала кружиться.

— Ты, к чёртовой матери, прикусила себе язык. — Это было небрежно сказанным замечанием, его руки отпустили мои плечи и он схватил себя за бёдра. — О чём ты только думала?

Вытирая губы, я заметила розовые разводы на своей руке.

— Я думала о том, как завершить песню, и всё.

Фыркнув, Дрез окинул меня быстрым взглядом.

— Есть способы намного лучше, чем жевать саму себя.

Тебе легко говорить. Я не высказала своё недовольство, но мой свирепый взгляд, должно быть, говорил всё сам за себя. Я видела, как он отражался в его глазах. Глядя в сторону, он пригладил назад свои волосы. В его голосе не было фальшивой лести, когда он заговорил со мной.

— Ты хорошо играешь на своей гитаре, но ты в полной жопе со своим самообладанием.

Эта рана, скорее всего, будет болеть. Она и впрямь пульсировала. Я продолжала потирать свои зубы так, как если бы это был зуд, который хотелось бы унять. Это и в самом деле настолько плохо? Кровотечение замедлилось, как мне казалось.

— Немного болит, но у меня бывало и хуже.

Он выгнул бровь.

— Какого черта ты сделала эту жестокую хрень с собой? Чтобы впечатлить меня?

Из меня как-будто выкачали весь воздух. Я пыталась произвести на него впечатление. Тем более, что я пыталась заставить его оставить меня в покое. Мне было неловко от того, что я поддалась искушению нанести повреждения самой себе. А не ему.

— Ладно, — сказал он, роясь в своих карманах. У него был чёрный телефон, блестящий, как жук-короед. — Я позвоню Брендe, она осмотрит тебя.

Теперь я чувствовала себя униженной.

— Нет! — прервала я Дреза, выжидающе смотрящего на меня. — Не надо... просто не звони ей. Это не такое уж важное дело.

Он держал телефон, как пистолет.

— Не хочешь, чтобы я ей звонил? Ладно. Тогда, дай мне посмотреть, насколько ты сильно себя укусила, и я не буду этого делать.

Это был грёбаный шантаж. Я теряла контроль над разумом. До того, как я подула, что можно возразить, он оказался рядом, прикасаясь ко мне. Наши грудные клетки соприкасались друг с другом при каждом вздохе, и я могла рассмотреть золотые точки в его тёмно-зелёных глазах.

— Открой, — шепнул он.

Что я и сделала. Дрезден схватил меня за подбородок, чтобы удерживать в неподвижном состоянии. Глупо, но меня тревожила свежесть моего дыхания. Я упрекнула себя в том, что думала о всяких глупостях. Были вещи, имеющие более важное значение. Например, как сильно я чувствовала его пальцы, и то, как удивительно он пахнул, и поэтому мой мозг не способен был думать в этот момент. Кровь в моих венах ускорила свой бег, и я была уверена, что он слышал её всплески.

— Всё не так плохо, как я думал, — сказал он. Кончик его большого пальца скользнул по моей губе, задевая мои зубы. Всё так неожиданно, что я убеждала себя, что это просто случайность. Он отстранился, отпуская меня и давая возможность облокотиться о стену. Я всё ещё ощущала стыд. Мне совсем не нужно было становиться ранимой и всё усугублять ещё больше. Мои собственные пальцы прикоснулись к губам, дотрагиваясь до уголка языка. Я скорчилась, ощущая на этот раз тупую боль.

— На самом деле всё не так страшно?

— Ты должна осознавать, что это ТВОЙ язык, — Дрез почесал свою шею, странное притяжение между нами сменилось холодной стеной. Он посмотрел в сторону выхода. — Я голоден. Пойдём.

Как и всегда, он закрылся. Почему, он не может делать это в то время, когда поёт? Если бы он был таким же далёким и отстранённым, тогда мне не пришлось бы кусать свой язык.

Следуя за ним по автобусу, мы нашли парней, удобно устроившихся в креслах, а конденсат от пива капал прямо к ним на колени.

Портер махнул мне, предлагая бутылочку.

— Вот, пока Кольт не выпил всё.

— Я бы не смог, даже, если бы и постарался, — засмеялся он. Допив свой напиток, Портер схватил следующую. Двое мужчин сидели напротив друг друга в центре автобуса.

Дрезден сел в кресле напротив них, безмолвно забирая своё пиво. Это напомнило мне моего брата и его группу. И эта мысль меня успокоила, однако, посмотрев в одно из тонированных окон, я представила их в своём автобусе-развалюхе, где-то в этом же процессе.

— Ты в порядке? — спросил Портер.

Его слова удивили меня.

— Да, да. — Я попыталась скрыть свою улыбку, делая глоток пива. Моя рана пылала, и от этого я сморщилась.

Кольт улыбнулся, размахивая пивом в воздухе.

— На вкус не так уж и плохо, малышка.

«Вкус отличный», — подумала я про себя. Пусть он лучше думает, что я скривилась от вкуса, а не от полученных повреждений. Устроившись на одном из сидений позади этой парочки, но достаточно далеко от Дреза, я заставила себя улыбнуться.

— Создаётся впечатление, что у вас может быть что-то по лучше, раз уж вы такие звёзды.

— Она присоединилась к нашей пивной вечеринке! — кричал Портер, его напускной гнев быстро исчез. — Я знал об этом с самого начала.

— Интересно, а она уже достаточно взрослая, чтобы пить, — дразнил Кольт, оглядывая меня сверху вниз. Мне было нельзя, но употребление алкоголя несовершеннолетними было

таким обычным делом в этих турне, что я не ожидала, что мне придётся оправдываться.

— В любом случае, ей не удастся заполучить здесь всё, — заявил он, выпивая свою бутылку в подтверждении своих слов. — Я сделаю это первым!

Мы все засмеялись, усталость покинула мою шею. Оглядываясь, я заметила у Дреза кривую улыбку. Он бросил на меня свой взгляд, задержав его на мгновение.

— Ты должна что-нибудь поесть.

Я села прямо.

— На самом деле, — вздохнул он, бросая взгляд на двух мужчин, — Вам всем следовало бы. Не напевайте до обеда, я не собираюсь снова разбираться с этим.

Кольт закатил глаза, со стуком поставив бутылку.

— Чёрт, ты ни разу не нянчился со мной, Дрез. Все мы знаем, что это каждый раз было с Джонни, но, теперь, его нет, так что успокойся.

Молчание Дреза подавляло. Я чувствовала, как он пристально посмотрел на Кольта, наблюдая как барабанщик прятался под своим капюшоном.

— Проклятье, — сказал Кольт себе под нос. — Прости, я не хотел вспоминать о нём. Хотя, это не какой-то грязный секрет, или что-то вроде того.

Они все многозначительно посмотрели на меня. Прочистив горло, я осторожно сказала с опухшим языком.

— Все знают о Джонни. Вроде как, во всяком случае. Могу я... могу я узнать, что произошло на самом деле?

Сплетни звучали довольно дико.

— История Шарка об этом инциденте всплывает в моей памяти.

Дрезден опустился на стул, поднимая ноги на маленький столик.

— Особо рассказывать не о чем. Просто Джонни лажал слишком часто. Я хотел, чтобы он ушел, а ему это не понравилось. Ничего шокирующего.

— Он пытался убить Дреза бутылкой, — сказал Портер, опуская свою пустую бутылку таким образом, словно она была реальным оружием, о котором он упоминал.

Дрезден внезапно подался вперёд, в руке у него всё ещё была полная бутылка пива. Он рисовал ей тонкие круги на деревянной поверхности — влажные пятна, идущие друг за другом, и начал говорить:

— Он не пытался убить меня. Вот именно так, Портер, начинаются эти дерьмовые слухи.

Здоровяк, опустил свой подбородок вниз.

— Прости. Хотя, Джонни был слишком пьян. Но, если бы у него была возможность, то он бы ударил тебя по мозгам.

Я не заметила, как наклонилась вперёд. Привстав со своего места, я сказала с нескрываемым любопытством.

— Так, что же произошло на самом деле?

Дрез продолжал вертеть своё пиво.

— В конце-то концов, его утщила служба безопасности.

— Однако, до того, как какой-то мудака сорвал мой датчик, — пробурчал Кольт. Он акцентировал внимание на своём ухе.

— Честно говоря, я, нахер, вообще не знаю. Где он сейчас? И, к тому же, меня это не волнует, — сказал Дрез.

— А ты не переживаешь, что он вернётся, чтобы затеять что-нибудь? — спросила я.

Он поднял свои глаза на меня, демонстрируя частичку жестокого животного, живущего в его голове. Пиво текло рекой, он говорил вполголоса, бормоча себе под нос.

— Джонни знает, что, если ещё раз покажет свою физиономию передо мной, то я сломаю ему челюсть, к чёртовой матери.

Портер начал говорить что-то. Но тяжёлый многозначительный взгляд Дреза остановил всё, чтобы там ни было. Они знали что-то, чего не знала я?

— Поэтому, — продолжил он. Подняв своё пиво и оборвав порочный круг, он сделал большой глоток. — Нет, он меня не волнует.

Я сделала вдох, громкий и резкий. Я забыла, что мне необходим был кислород. Я была настолько поглощена словами Дрездена, и его реальными эмоциями. Я верила и ни секунды не сомневалась, если он сказал, что уничтожит Джонни, как тот только появится, то так оно и будет. Это обещание было такого рода, что должно было бы вызвать у меня улыбку. Если бы это слетело с губ кого-то другого, тогда угроза была бы невнятной и жалкой.

Однако Дрезден... он имел ввиду именно то, что говорил. Трепет проходил по моему позвоночнику, щекоча сзади мой мозг и горло. Его страсть превращала всё внутри в мягкое масло. Это тревожило меня.

Кольт разрушил моё настроение.

— Итак, еда. Нам надо позвонить Бренде, чтобы выяснить, где мы можем остановиться?

Зевая, Портер вытянул большие руки над головой.

— Только не пицца. Я уже устал от пиццы.

Дрезден прижал трубку к своему уху.

— Нам надо остановиться и заправиться в ближайшее время. Я скажу ей, что мы хотим размять ноги и перекусить. — Он сосредоточил своё внимание на мне, и я тут же схватила своё пиво и крепко сжала его. — Что ты хочешь поесть? Какие будут пожелания?

— Э-э, — удалось мне произнести. — На самом деле — без разницы. Я ем всё.

Наморщив лоб и не поделившись своими мыслями со мной, Дрез встал со своего стула. Его молчание можно было истолковать так, что я сказала, что-то не то, от этого я покраснела.

— Привет, — сказал он в трубку, — мы голодные. Когда следующая остановка? — Он, слушая, ждал ответа. — Нет, не надо больше, чёртовой пиццы. Ага. Бренда, просто выбери такое место, где у каждого будет своя комната, и никто не будет толпиться вокруг нас.

Улыбаясь, я представила себе эту организованную женщину и её аргументы по отношению к Дрездену. У меня создалось впечатление, что она была достаточно сильно в нём разочарована. Я начинала узнавать это чувство.

— Да, хорошо. Да. Это отлично! Бренда, просто — да, и всё. — Он перевёл свой взгляд на меня, задумавшись. — Она в порядке, всё будет нормально. И будет ещё лучше, если мы сможем съесть что-нибудь, прежде чем оголодаем. Тогда, у тебя, вообще, не останется никакой группы. — Он подмигнул мне, тем самым заставив забыть обо всём, что меня до сих пор, хоть как-то волновало.

Он старался быть дружелюбным? Или, может быть, это просто спектакль? Повернувшись к нам спиной, Дрез кивнул своей головой, как будто Бренда могла его видеть.

— Ладно. Звучит хорошо. Скоро увидимся. — Засунув телефон в карман, он всем нам слегка пожал плечами. — Отдельные номера в каком-то местечке под названием «The Griffin

Bar And Grill». Где-то в часе езды, или около того. Это самое лучшее, что я смог сделать.

Кольт поднялся, от чего стол и бутылки с пивом пришли в движение.

— Настоящий ресторан? Господи, спасибо тебе!

— Бренде не нравится эта идея, так ведь? — Портер потер свой нос, заметив веселье, отразившееся на лице Дрездена. Вокалист просто снова пожал плечами, стреляя в мою сторону косым взглядом.

— Ей никогда не нравится то, что я предлагаю. Я надеюсь, ты готова увидеть хоть что-то позитивное, чтобы как-то справиться с этим дерьмом, Лола.

Я могла только гадать над тем, что это значило.

Глава 4

Дрезден

Это ребёнок.

Это чёртов ребёнок.

Как одна девица смогла втянуть меня в этот порочный круг? Сначала она сносила мне башню своим талантом, своими грёбанными невинными миленькими улыбочками и неподдельными эмоциями.

Потом она наваляла ноты и сама же накрутила себя так, как если бы это было её первым выступлением. И это мы ещё даже не были на сцене.

Потирая внутреннюю сторону руки, я наблюдал уголком глаз за Лолой. После того, как я объявил ей, что мы сделаем остановку, чтобы поесть, она ушла в автобус, чтобы принять душ.

Моя губа подёргивалась от воспоминания, как высоко взлетели её брови. Она начала немного заикаться, не веря, что у нас также есть и душевые, до тех пор, пока Кольт не пошёл ей показывать их.

Сейчас самый молодой гитарист вытянулась на длинной кушетке. Её волосы были влажные и взъерошенные, как будто бы она только поднялась с постели. Майку-борцовку серого цвета сменил чёрный свитер с длинным рукавом, слишком тонкий, чтобы быть очень тёплым, но достаточно облегающий, чтобы показать очертания её груди.

Я понимал, что пялюсь на её стройное тело. Как будто почувствовав меня, Лола подняла вверх свои голубые глаза. Они встретились с моими и дальше не двигались.

Я отвел взгляд первым.

«Дерьмо» — подумал я с досадой. Мне пора было браться за ум. Просто прошло много времени с тех пор, как рядом был хоть кто-то, достаточно привлекательный для меня..., вот и всё. И это единственное, что могло произойти на самом деле. Приказываю себе прекратить заикаться на глазах или губах этой девицы, или на том, что её руки двигались, как птицы, летящие сквозь шторм, когда её игру сложно было назвать удовлетворительной. Мне нужно отвлечься. Почему, чёрт побери, меня так интересуется эта девушка?

Мне бы хотелось раскритиковать её талант. Однако, я понимал гораздо больше. Лола охрененно хорошо играет на гитаре. Но я должен признать, что в ней было что-то ещё. Сексуальная с губами созданными для поцелуев. Я думал о том, как держал её лицо в своих руках. Довольно необычное воспоминание.

«Она, к чёртовой матери, искусила себе весь язык», — напомнил я себе. Это и глупо, и больно одновременно. Если я скажу самому себе, что Лола не в ладах с самой собой, охладит ли это мой пыл? Нет, потому что у меня у самого проблемы с головой. Я впился пальцами себе в коленную чашечку. Я хотел изгнать из своей головы образ её влажных губ и широко раскрытых глаз.

Мои попытки прекратить думать о Лоле возымели прямо противоположный результат.

Я достаточно был умный парень, чтобы понимать, что это плохой путь для того, чтобы следовать ему. Есть куча всего, имеющего огромное значение. Бренда постоянно вбивала мне в голову, насколько важны наши фанаты. И последняя вещь, которая мне нужна — это хреновые проблемы из-за кого-то, кого я решил трахнуть.

Да, проблемы. Это еще одна причина. Я видел группы, которые распались из-за вражды между участниками. Личные отношения не имеют никакого отношения к группе. Одно тяжелое расставание с девушкой, и «бум». И концерт окончен.

В прямом смысле.

Портер что-то сказал. Что бы это ни было, но это заставило Лолу смеяться. Этот звук был, как сахар у меня во рту. Мой язык начало покалывать, когда я посмотрел на нее, как замороженный посмотрел на ее длинную шею и искрящиеся глаза. Я гнал от себя самую главную проблему, или мне казалось?

Ничего из того, что я говорил или чувствовал не имело бы значения, если бы Лола не запала на меня. Или, возможно, это все мои отговорки для всего происходящего? Если бы девчонка хранила обет целомудрия или, хотя бы, просто не доставала меня, моя проблема бы разрешилась сама собой.

Она опять посмотрела на меня. И вновь, я отвёл свой взгляд. Это именно то, на что мне оставалось надеяться. То решение, которое не предполагало под собой, что я должен делать вообще хоть что-то. Если бы Лола не входила в мои планы — я должен побороть в себе... все, что угодно относительно нее, чем бы это ни было на самом деле.

— Мы на месте! — Голос был сердитым. Джеральд, наш водитель, был сварливым человеком. Но все что меня волновало, так это то, что он был самым надежным водителем из всех, кого я видел.

Покачиваясь на своем стуле, я поправил толстовку, которую набросил поверх майки без рукавов. Я не застегивал ее, зубцы от молнии раздражали меня сквозь тонкую белую майку под ними.

— Мне нужно вгрызться зубами хоть во что-нибудь.

Горячая пицца была как нельзя кстати.

Снаружи воздух был свежим. Это сильно отличалось от того зноя, что был днем, я не переставал удивляться тому, как быстро одна погода сменяла другую. День все еще не заканчивался, и мы уже были не в Колорадо, а могло ли тепло исчезнуть так же быстро, как пролетело время?

Вытянув шею я увидел ряд автомобилей, припаркованных позади нас, на другой стороне улицы. Ресторан, похоже, близок был к тому, чтобы развалиться под натиском фанатов, направлявшихся за автобусом по пятам.

Я испытывал чувство гордости, зная при этом, что мы можем спрятаться в приватной кабинке, чтобы отгородиться от всего этого.

— Ничего себе. — Лола подошла ко мне сзади, засунув руки глубоко в карманы. — Для меня всегда было привычнее находиться в хвосте этого процесса.

Я смотрел на свет всех этих фар. Казалось, сердцу стало тесно в груди. Пугающе? Нет, это, мать твою чертовски пугающе, так как мне стоило полагаться на кого-то, вроде тебя, чтобы убедиться, что все последующие выступления осчастливят всех вокруг. Осознание этого заставило меня нервничать. И сильно. Это бесило меня.

— Если ты думаешь, что это страшно, — сказал я низким голосом, — то ты просто обмочишься в свои штанишки, когда будешь играть для них же позже на сцене. — Обойдя её я пошёл напрямик к главному входу здания.

Я едва заметил Бренду, одетую в узкий тёмный жакет и подходящие к нему узкие брюки. Она приехала туда раньше нас, рядом с ней стоял охранник из «the Griffin Bar and Grill».

Я не смог сдержаться и закатил глаза.

— Привет. Там всё в порядке, мы можем войти?

— Было слишком мало времени, — сказала она, поигрывая телефоном около своего уха, для большей выразительности. — И я понятия не имею, сколько в итоге народу соберётся здесь. Не могли просто дать мне возможность заказать для вас что-нибудь «на вынос» и доставить всё это вам в автобус?

Её обычное недовольство вызвало улыбку на моих губах. Меня это так успокаивало, возвращало в свободное привычное состояние от недавних бурных эмоций.

— Прости, но затхлая пицца и бутерброды уже достали.

— Ну, допустим. — Она издала драматичный вздох и направила в сторону охранника густо накрашенные ресницы. — Проводишь их до комнаты в дальней части зала?

Нечто слегка подталкивало меня сзади: это протискивался Портер, нетерпеливо шагая впереди охранника.

— Да! Покажи нам. Давай быстрее, я совсем оголодал.

Мы пошли неорганизованным строем через ресторан. Я слышал и видел вспышки фотокамер мобильных телефонов, направленных в нашу сторону. Мы, скорее всего, были величайшими звёздами, которых когда-либо видало это здание. Желая увидеть реакцию Лолы, я обернулся назад. Но мне не удалось узнать это. Гитаристка разговаривала с Брендой. Бренда с безразличием обхватывала её вокруг острых ключиц своими длинными руками. Рыжая что-то говорила ей на ухо, и, чёрт его знает, что она там ей болтала. Стрела тоскливого разочарования глубоко пронзила меня. «Нет, стоп», — сказал я сам себе. Это хорошо. Пусть Бренда станет доброй знакомой и доверенным лицом. Я сомневался, что Бренда будет сильно выходить за рамки, сплетничая с девчонкой. Скорее всего, она просто получала удовлетворение от чувства своей значимости, просвещая Лолу о том, о чём, пока мы двигались сквозь толпу взбудораженных людей. Моё внимание привлекли её ногти, касающиеся плеча Лолы. Я делал всё, что было в моих силах, чтобы заставить себя отвести в сторону свой взгляд, и смотреть только вперёд. Прекратить... что? Ревновать? Бренда просто пытается быть дружелюбной. Неужели меня бесит то, что ей можно касаться Лолы, как ни в чём не бывало, а мне — нет? С каких пор я, бл*дь, стал таким ревнивцем? Но сейчас не время было думать об этом.

Охранник завёл нас в соседнюю комнату, дверь полностью отделяла её от ресторана. В ней также имелась игровая зона, бильярдный стол и несколько телевизоров с плоскими экранами. Вдоль одной из стен располагался ряд столов. Портер опустился на стул, цепляя меню. Кто-то, скорее всего владелец, поставил для нас ведро с бутылкой шампанского.

Я не смог сдержать свою насмешку.

— Они решили, что мы будем это пить?

— Это шампанское, — сказала Бренда, проскользнув рядом и выпуская Лолу из своих рук. Она касалась горлышка зелёной бутылки. — Я заберу это, если её никто не открывал.

Кольт, сидящий напротив Портера, отодвинул ведро подальше от неё.

— О, нет, я заберу. Это станет отличным десертом.

— Или мы можем разделить на всех. — Заявил басист, доставая бутылку. Он не обратил внимание на насупившегося Кольта. — У нас есть повод для праздника.

Я считал, что он прав — думал я про себя. Мы все повернулись в сторону Лолы.

Она переминалась с ноги на ногу.

— Что, из-за меня? Да, бросьте вы, не заставляйте меня краснеть.

Неугомонный чурбан — эта часть меня, качнулась в сторону с простой мыслью сделать так, чтобы её щёки пылали красным. Это было похоже на мою потребность в табаке, когда я испытывал нехилый стресс от происходящего вокруг.

Сделав шаг вперёд, я вытянул бутылку из рук Портера. Другой рукой зацепил пустой фужер для шампанского. Стол уже был накрыт для нас, но это меня мало интересовало.

— Все возьмите свои бокалы, — сказал я.

Лола дёрнулась, когда я подошёл к ней.

— Наверное, я должна была сказать об этом раньше, но формально мне не разрешено употреблять алкоголь.

Изгиб уголков её губ посылал электрические разряды прямо мне в спину. Реакция этой девчонки на меня была столь открытая. Может, именно это привлекало меня в ней? Может то, как отражались её эмоции на этом милом лице?

— Никто не собирается тебе ничего говорить по этому поводу, не в ЭТОЙ группе уж точно, — улыбнулся Кольт.

— Вот, возьми, — я протягивал бокал Лоле до тех пор, пока она не забрала его.

— Серьёзно, — сказала она с небольшой горечью в голосе, — нам необязательно это делать.

Звук хлопка пробки заставил её вздрогнуть.

— Нет, обязательно. — Я приподнял брови от её дерзкой попытки возразить мне, наполняя её бокал. Мы как будто были в каком-то пузыре, остальная часть группы зависла где-то позади, не подходя близко.

Я посмотрел на Лолу, шампанское пощёлкивало в её бокале — и я ждал. На самом деле, я сам не знал, чего я ждал.

— Эй, — сказал Кольт, толкая меня, и разрушил момент, чем бы тот момент ни являлся на самом деле. — Дрез, поделись с нами тоже.

После того, как я наполнил их бокалы, захватив один для себя, я поставил бутылку на стол. Я поднял свой напиток, и они все повторили за мной.

Даже Лола.

Смотря прямо ей в глаза, я сказал свою речь.

— Выпьем за нового гитариста, чтобы она не выронила свою гитару на сцене.

Все засмеялись. Нет, не все, все, кроме Лолы. Она смотрела в сторону, а очаровательный красный румянец полз вверх, окрашивая её шею. Ну, и это было именно то, чего я хотел добиться.

Нахрена мне это нужно?

Мы все завершили наши тосты, что, как мне казалось, послужило сигналом для двух официанток собрать всё своё мужество и заглянуть, наконец, в комнату. Одна из них с длинными волосами цвета «оникс» заговорила первой.

— Эм-м, не желаете, ребята, что-нибудь выпить?

Хмурое выражение на лице Бренды заставило нас вновь улыбнуться.

— Я буду водку с тоником, — сказала она с притворной сладостью в голосе.

Дёрнув за спинку стула, я сел с краю, подальше от Кольта и Портера. Взгляд девушек, обращённый на меня, был мне очень знаком.

— Мне любое разливное пиво.

Скрип другого стула, прямо напротив меня, заставил меня посмотреть в ту сторону. Туда присела Лола, опустив глаза. Я бы хотел заглянуть в её голову, чтобы узнать, о чем она думала в данный момент. Она смущена, или нервничает, что у неё попросят документы, не смотря на то, что раньше сказал Кольт? Я сомневался, что это кого-то здесь волнует. Ресторан уже счастлив, что мы сюда зашли, если они скажут хоть слово по поводу того, что Лоле ещё нет двадцати одного, то они рискуют тем, что мы уйдём из этого места.

Бизнес для них был важнее, чем какой-то несовершеннолетний пьяница в отдельной кабинке.

— М-м, думаю, я буду то же, что и он, — сказала Лола, бросая быстрый взгляд на меня, а затем на темноволосую официантку. Она расслабилась только в тот момент, когда та кивнула, записывая что-то.

Девушки продвигались вперёд, разговаривая с остальными участниками. Стул подо мной скрипнул, когда я наклонился к Лоле.

— Я более чем уверен, что Бренда получила всю информацию о тебе ещё раньше, так что все эти разговоры насчёт того, что ты ещё недостаточно взрослая, чтобы пить...

— Мне девятнадцать, — сказала она, её голубые глаза встретились с моими зелёными. Потом, как вода, попавшая в масло, её взгляд соскользнул обратно к меню, лежащему на столе. — Через четыре месяца мне будет двадцать.

Девятнадцать. Как же давно мне было девятнадцать. Мне было всего семнадцать, когда я окунулся в мир музыки «по-взрослому». Случайное знакомство в восемнадцать стало началом моего восхождения к славе.

Скосив глаза в сторону Лолы, я изучил её макушку. Она уткнулась в меню так, что почти коснулась его своим носом. Так странно думать, что она была беспечным тинейджером, когда я в то же время уже имел столько важных дел и узнавал, как устроен этот мир.

Не совсем уверенный в том, что говорить дальше, или, было ли вообще мне что сказать, я повторил за ней и заглянул в меню. В ресторане было огромное разнообразие всего. Мой голод поутих, так же, как и ребёнок рядом со мной.

К тому времени, как официантки вернулись с нашими напитками, я так и не определился с тем, чего бы мне хотелось. Нет, не совсем так. Я знал, что я ХОТЕЛ.

Просто она не была одним из блюд в этом меню.

Взмахнув пластиковым листком так, чтобы темноволосая девушка могла его забрать, я встретился с её чувственным взглядом.

— Просто, подайте мне что-то на свой вкус.

— Я... на мой вкус?

Забирая прохладный стакан с пивом цвета карамели, я одарил её полуулыбкой.

— Да. Твоё любимое блюдо, которое бы съела здесь. Принеси мне его.

Откидывая назад свои волосы, и, явно, наслаждаясь завистливым взглядом своей коллеги, она хихикнула.

— Хорошо, я могу это сделать. Кстати, меня зовут Скарлетт.

— Скарлетт, — повторил я. Имя звучало как ненастоящее, но кто я такой, чтобы судить?

— Думаю, я должен и сам представиться, я...

— Дрезден! — Она выпалила с широкой, как месяц, улыбкой. — Ты — Дрезден Гэлифакс. Да. Я знаю.

Конечно она знала.

Я спрятал свою улыбку за пивом, бодрящая и горькая на вкус жидкость освежила моё горло. Я словил Лолу на том, что она украдкой наблюдала за мной из-за своего меню.

— Ты собираешься делать заказ? — спросил я её.

Она моргнула, и до Скарлетт дошло, что она полностью игнорировала остальную часть стола. Пройдясь по мне взглядом, в последний раз, и одарив кокетливой улыбкой, она повернулась к молоденькой брюнетке.

— Извини. Что я могу тебе принести?

— Мне хрустящие наггетсы и картошку фри, — ответила Лола. Она посмотрела, как Скарлетт кивнула ей, и смотрела ей вслед, когда она, покачивая бёдрами, выходила из комнаты. Я уверен, что всё это она проделывала для меня. Я рассматривал Лолу с большим интересом.

Что она думает обо всём этом?

— Она милая, — сказал я решительно, наблюдая за её реакцией.

— О, э-э. Я тоже так думаю. — Подушечки её пальцев на бокале с пивом, стали белыми.

Это ни о чём мне не говорило.

Раздражало ли её то, что я флиртую или нет? Почему ответ на этот вопрос не может быть явно отображён на ней...?

— Чёрт! — Лола закашлялась, прикрывая свой рот и отодвигая пиво подальше. — Оно крепкое!

Из меня вырвался смешок. Я не смог бы остановить его, даже, если бы очень захотел. Но чёрт возьми. Мне это нравилось.

— Оно и должно быть крепким. И тем не менее, что это, неужели первый бокал пива у ребёнка?

Сузив глаза, Лола придвинула напиток к себе поближе.

— Нет! Я употребляла алкоголь и до этого. Я не стрейтэджер или что-то типо того. *(прим. В своей простейшей форме философия straight edge отрицает употребление любых алкогольных напитков, табака, также любых других наркотических веществ в целом.)*

— Ох, ну, извини. — Я поднял свои ладони в защитном жесте, и одарил её дерзкой улыбкой. — Ты просто единственная сказала, что не будешь пить. Я подумал, что это означает, что для тебя это всё новое.

— Это из-за этого пива, вот и всё. — Ёрзая, она настороженно посмотрела на меня. — Оно слишком уж крепкое.

— Знаю, — сказал я. Наклонившись в сторону, немного приподнял свой подбородок. Я взял крепкое, самое крепкое пиво, что у них было. Это было глупым поступком, уж слишком пахнущим хвостовством. И почему я вёл себя как какой-то выпендрёжник? Со стуком

опустив свой бокал вниз, я приподнял бровь, смотря на ошеломлённую Лолу.

— Может, она хотела что-то доказать. Я не совсем уверен был. Всё, что мне известно, так это то, что девчонка продолжала подражать мне, выпивая залпом половину своего большого стакана. Я же таращился на то, как пульсировала большая вена на её шее. Ей удалось не закашляться, с глазами, наполнившимися влагой, она бросала мне вызов, поставив свой бокал на стол с большей силой, чем я.

— Итак, значит, ты уже большая девочка, — пробормотал я, водя пальцем по верхушке своего стакана. Румянец Лолы был слаще, чем пиво.

— Прекрати дразнить её, — Бренда устроилась в кресло рядом с Лолой. Водка с тоником в её тонких пальцах уже была ополовинена. Несмотря на то, каким она была профессионалом в работе, я никогда не знал, как побороть её пристрастие к выпивке. Она отлично знала, что у неё впереди целый день на то, чтобы протрезветь, до начала следующего шоу.

Рыжая протянула руку, взяла пиво Лолы и сделала быстрый глоток. Я послал многозначительный взгляд в её сторону.

— Она права. Оно очень крепкое. — Она сказала, игнорируя мой хмурый взгляд.

— Я ей поверил. — Пиво согрело мою кровь. Это было хорошо, небольшой остаток раздражения на Брендю вторгся в настоящее, поэтому нужно что-то, чтобы сгладить его. — Тебе не нужно защищать её, это в самом деле не поможет её имиджу.

Она закатила свои глаза, но Лола была первой, кто заговорил.

— Это не относится к имиджу. Да, хорошо, я не пью много пива. Группа моего брата всегда пила дешёвое, некрепкое пиво.

Итак, её брат. Я обратил всё моё внимание на Брендю. Она же просто обхватила своими пухлыми губами ободок стакана со своим напитком.

— И насчёт этого. Шон Купер на самом деле твой старший брат?

— Конечно, — заколебалась Лола, переводя взгляд между мной и моим менеджером. — А с этим какие-то проблемы?

— Может быть.

— Нет, — сказал я, делая глоток из своего стакана. — Если Бренда думает, что всё в норме, тогда точно нет. — Она знала, не было иного варианта, она узнала об этом, когда Лола подписала контракт.

Лёд звякнул в неожиданно опустевшем стакане Бренды. Она оттолкнула его в сторону, делая так, чтобы официантке было видно, что стоит сделать «дозаправку».

— На первый вопрос — я не знала, на второй — нет.

— О чём это вы? Что не так с моим братом?

— Ничего, — быстро произнесла Бренда. Она сморщила нос, глядя на меня, и я знал, что ей, в принципе, была неприятна данная тема.

Но это было необходимо.

Посмотрев на Портера и Кольта, я уверился в том, что они были заняты тем, что смеялись над чем-то, и я не мог слышать над чем именно.

— Лола, у твоего брата не самая лучшая история, связанная со мной, — начал я, мне было интересно, как много она знала или не знала.

— Я не думала, что у него была какая-то история, — Лола вытянулась вперёд, смущение слегка изменило её черты. — Самое большее, что Шон когда-либо говорил мне о тебе, так это слушать твою музыку потише, когда она разрывала динамики.

Это заставило меня улыбнуться.

— Итак, он никогда не рассказывал тебе, как проходил прослушивание два года назад?

Пальцы Лолы были мокрыми, так как обхватили её стакан.

— Что? Я... почему он не рассказал мне про это?

Первой заговорила Бренда.

— Дрез, остановись. Ты сказал, если я решу, что всё в порядке, значит всё в порядке. И неважно, что сделал Шон, он не держит на тебя никакой злости.

Мой разум защекотали воспоминания о том, как Шон перевернул один из моих усилителей, когда я сообщил ему плохие новости. Я точно знал, как выглядит ненависть. Я имел с ней дело всю свою жизнь. Мог ли парень, такой как он, так легко отпустить эту обиду? Лицо Джонни показалось у меня перед глазами.

— Почему ты так в этом уверена?

Она подпёрла кулаком свою щёку.

— Потому что он пришёл ко мне этим утром попросить меня взять нашего общего друга Лолу на открывшуюся вакансию.

Мои пальцы скользнули в мои джинсы в поисках чего-то, очертания которого напоминали бы пачку сигарет.

— Он нахрен пришёл, чтобы увидеться с тобой этим утром? — Тугой узел, который был внутри меня, стал ещё хуже, когда я увидел, как Лола закусила свою нижнюю губу. Ужасная идея посетила меня. — Ты сказала ему сделать это для тебя, Лола?

Она стремительно закачала своей головой в стороны, почувствовав недоверие, исходящее от меня. Я был уверен, что она ощущала его. Я закипал изнутри, чувствуя предательство. Было ли всё это каким-то образом организовано без моего ведома?

— Я не знала о прослушивании до тех пор, пока Шон не сообщил мне. Хотя он сказал мне, что у него состоялся разговор с твоим менеджером. — Эти чудесные голубые глаза обратились к Бренде.

— Дрезден, успокойся. — Её голос был твёрдым, бескомпромиссным. У Бренды не хватало терпения на все мои настроения, никогда не хватало. — У тебя тот самый взгляд.

— Какой взгляд? — проворчал я, отпивая из своего стакана. Он каким-то образом уже был пуст. И, когда это, я успел его прикончить? В моём разгорячённом шумном мозгу не было ответов.

Потянувшись, она скользнула своими наманикюрованными пальцами по плечу Лолы.

— Тот самый взгляд, который говорит мне о том, что ты уже близок к тому, чтобы сказать или сделать какую-то глупость. Лола не обманывала тебя. Шон ничего не сделал. Если бы они даже каким-то образом что-то и подстроили, всё равно выбор оставался за тобой — брать её в группу или нет. Каким образом они могли сделать что-то твоими руками? Чего бы им удалось добиться?

Она права, подумал я, рассердившись. Я смотрел на всё это под неправильным углом. Девчонка ничего не сделала, и какой там вообще мог быть заговор? Я всмотрелся в лицо Лолы, и почувствовал тяжесть в своём животе. Она невиновна, нет её вины в том, что её брат был задницей. Даже если это и было два года назад. Я просто параноик.

— Послушай, — сказал мой гитарист, её голос был мягкий и слабый. — Я ничего не знала про тебя и Шона, или о том, почему он никогда мне ничего про это не рассказывал, тоже. Но дело в том, что, если бы не он, то и меня бы здесь сейчас не было. — Она умоляюще пожалала плечами, а её взгляд молил ещё больше. Мне потребовались все мои силы,

чтобы встретиться с её голубыми, бездонными глазами и нежными завитками по обеим сторонам от её нахмуренных бровей.

Потирая свою шею и ненавидя то, насколько я вспотел, я пробурчал:

— Всё нормально. Не беспокойся об этом. Я был сейчас настоящим мудаком, все дела, связанные с твоим братом, были уже очень давно, я уверен, что он не упоминал об этом, потому что и сам уже забыл. — Моя улыбка на самом деле не была искренней, так же, как и мои слова.

Было невозможно, чтобы Шон забыл тот день. Но вероятность того, что он спланировал всё это против меня, была на уровне злостных интриг, что возможно только в фильмах.

На лице Лолы расцвела улыбка. Это заставило меня застыть, даже ещё больше, чем от той злости, что поразила меня ранее. Она была такой охрененно настоящей. Я не знал никого, кто мог бы улыбаться настолько искренне. Она затрагивала её глаза, превращая их в умиротворённые морские глубины.

Я хотел утонуть в них.

— Да, — сказала она, отпивая своё пиво. — К тому же у него есть кое-что другое, о чём бы следовало волноваться. Он ведущий гитарист в «Barber Fire», ты знаешь?

Ну, конечно же, я знаю.

— Верно. Я рад, что у него всё хорошо складывается. — Откровенно говоря, мне было насрать на всё это. Но это важно для Лолы, и, если мой ответ смог так порадовать её, тогда что в этом плохого? «К тому же, я получаю удовольствие, когда вижу её улыбку» — думал уже я про себя. Мои губы дёрнулись, чтобы соответствовать тому, что на губах этой девочки. Дерьмо, что со мной творится?

Я словил внимательный взгляд Бренды на себе. Отвернувшись, заметил официанток и еду, меня охватило облегчение. Это мгновенно поменяло тему разговора.

— Выглядит отлично, — сказал я, подмигивая Скарлетт. Она чуть не выронила свой поднос.

— О! Ох, спасибо! Это наш «Райский Цыплёнок». — Её щёки пылали, когда она поставила его передо мной. — Этот мой любимый, как вы и просили.

Вдыхая аромат ананаса и сильный запах специй, я кивнул ей.

— Я рад, что сделал такой выбор. Спасибо за твой опыт.

Молодая официантка выглядела потерянной. Её подруга подтолкнула, напоминая Скарлетт, что всем нам нужны приборы. Девушки сервировала стол, и под звуки аплодисментов Портера и Кольта, я, наконец, расслабился. Пока я разжёвывал сладковатую курицу, мой взгляд скользил к Лоле. Она была занята своей второй кружкой пива. Её губы касались ободка стакана, а она сосредотачивала своё внимание на мне.

Это огненная река, которая медленно струилась по моим венам. Волна всё поднималась, мне бы со всей страстностью хотелось обвинить в этом алкоголь. Потребовалось бы довольно много алкоголя, чтобы напоить меня, но крепкое пиво сделало своё дело.

Она медленно опустила стакан, её пальцы дрожали.

— Что? Что такое? — спросила она.

Проводя по своим волосам, я откинулся на своём стуле.

— Просто интересно, что там у тебя на тарелке.

Лола подвинула тарелку ко мне.

— Просто картошка фри и цыплёнок, попробуй.

Схватив наггетс, я проглатил его полностью. Поджаренное в сливочном масле тесто хрустело, это было похоже на звук ломающихся веток. Вкус распространялся по моему языку.

— В целом довольно неплохо. Возможно, излишне солёно.

Её улыбка была сдержанной.

— Я люблю солёное. — Несмотря на её слова, её тарелка по-прежнему практически была полной.

Почему она так мало ела, если... Ох, я думал, что я прав. Её язык. Могу поспорить, что соль раздражала рану, которую она причинила себе сама. Размышляя о том моменте в автобусе, мои пальцы обхватили её щёки, так что она оказалась в ловушке со мной...

Раздувая ноздри, я начал разрезать своего цыплёнка.

— Вот, попробуй немного и моего. — Я предложил ей вилку, немного белого мяса и ананаса, блеснувшего между нами. Я ожидал, что она заберёт у меня прибор.

Лола поддалась телом через стол, зубами цепляя пищу прямо с кончика моей вилки. У меня отвисла челюсть, и было чудом, что вилка не последовала за мной.

На самом деле, она сделала то, что сделала, и сейчас пережёвывала с крохотной полуулыбкой, всё это посылало дрожь по моим костям. Девчонка только что трахнулась со мной? Она сделала что-то, больше подходящее любовникам, чем знакомству с новой группой.

Прочистив своё горло, я сдвинулся на стуле. Её розовые губки и порозовевшие щёчки сделали мои джинсы уж очень тесными. Внутренняя сторона молнии, даже мои боксеры стали моими злейшими врагами.

— Это хорошо, эм-м, ладно. Тебе понравилось?

Лола кивнула, вытирая рот тыльной стороной своей ладони.

— Немного много сахара, но всё равно неплохо.

Моя тарелка скользнула в её сторону, пальцы не слушались меня.

— Вот, тогда просто поешь моё.

— Я... что?

Её едва тронутая тарелка была всё ещё тёплой. Притянув её к себе, я хлопнул её по руке, когда она потянулась к ней.

— Просто поменяйся со мной. — Подняв бровь, я одарил её многозначительным взглядом. Уголком глаза заметил, как Бренда таращится на нас двоих. — Это сладкое подойдёт намного лучше, берёшь?

Лично меня не волновало, если Бренда узнает о том, как она прикусила свой язык. Она имела дело и с более худшими вещами. Была большая вероятность, что она закатит свои глаза и подумает, что Лола сделала это случайно, если бы она не начала качать головой, сигнализируя, что это всё не её проблемы.

Но Лолу это волновало. Один только взгляд на её лицо подтвердил это. Громко сглотнув, она начала рубить еду целенаправленными движениями.

— Ох, спасибо, Дрезден.

В ответ я захрустел картошкой.

Большая часть вечера прошла так, как и ожидалось. Мы ели, мы пили, и даже немного

смеялись. Больше всего Портер и Кольт, но это всё равно считалось.

Скарлетт продолжала подливать мне пива, намного позже я перестал пить его. Голову покалывало и тепло щекотало от алкоголя. Я не напивался уже довольно давно.

Темноволосая официантка низко нагнулась, произнося что-то.

— Что ты сказала? — спросил я. Она пахла жиром и сладкой лавандой. Не было сомнений, что её смена длится уже несколько часов.

— Я сказала, что заканчиваю через тридцать минут. Что ты делаешь после всего этого? Я бы убила за то, чтобы увидеть твой автобус, — прошептала она, присев на корточки, чтобы подуть мне в ухо.

Моя улыбка была едва различимой. Прямо напротив себя я заметил пристальный взгляд Лолы. Бренда что-то говорила ей, но она была прикована ко мне как свежий лёд. Она ревновала?

Пальцы Скарлетт скользнули вниз, касаясь моего колена. Я обхватил её тонкое запястье, прежде чем она осмелилась двинуться дальше.

— Послушай, — в моём голосе даже не было напряжения, я уже прошёл весь этот путь раньше. Отбиваться от поклонниц после шоу было гораздо сложнее. — Я не могу.

— Не можешь? — Она напряглась, стреляя глазами на моё лицо, на мою руку, и обратно.

Позволив официантке уйти, я наклонился так, чтобы только она могла слышать меня.

— Извини. Я имею ввиду, что не хотел. — Скрипнув спинкой своего стула, я встал на ноги. — Кольт, не хочешь поиграть в бильярд?

— Чёрт возьми, да, — засмеялся барабанщик, почти падая со своего места. — Я тебя побью и в этот раз тоже.

И, хотя я и направился прямо к столу с зелёным войлоком, я не смог остановить себя от того, чтобы не обернуться назад. Всего один мимолётный взгляд.

Две пары глаз смотрели на меня. Одни — тёмная пучина, принадлежали девушке, которую отвергли.

А вторые...

Бездонные сапфировые, принадлежали Лоле, и выражали полное спокойствие. Это послало острое возбуждение сквозь всё моё нутро. То, которому довольно быстро на замену пришло напряжение мышц.

Мне хотелось слишком много, хотел верить, что она была счастлива от того, что я отказал девушке. Нет, сказал я сам себе, напряжённо сдёргивая кий со стены. Я мог бы сломать его, съедаемый противоречивыми эмоциями. Я остановился, начиная волноваться от предстоящей перспективы. Ты делаешь всё, чтобы увидеть, что ты ей нравишься, когда должен тратить всю энергию на сопротивление всему этому.

Раздавлив слишком много мела на кончик кия, я посмотрел на затылок Лолы. Иногда, даже, если это верное решение, выбор в пользу музыки над всем остальным заставлял меня ощущать пустоту.

Я не мог рисковать группой из-за чертовой пары голубых глаз, которые превращали мою кровь в жидкое серебро.

Это было слишком безрассудно.

По отношению к ним...

И к ней.

Глава 5

Лола

В моей крови было слишком много алкоголя. Но ещё хуже... в ней было много чего-то ещё. Но у меня не было этому названия. Я только знала, что это разгоралось, когда он оказывался слишком близко.

Когда Дрезден Гэлифакс находился рядом, нечто начинало вырываться из самых глубин внутри меня.

Бренда хихикала, вцепившись в мою руку, и говорила что-то о том, как мы с моим старшим братом внешне похожи. Портер и Кольт спорили о том, кто на самом деле из них двоих победил.

Приняв на душу четыре (или их было пять?) кружек пива, я упустила из виду Дрезу на несколько часов в свете угасающего вечера.

Я просто хотела уйти.

— Извини, — сказала я, отстранившись от Бренды и её болтливой рта. Красный цвет её губ казался мне уж слишком ненастоящим, как восковые конфеты на Хэллоуин.

Она отпустила меня, её рука зависла в воздухе.

— Подожди, куда ты идёшь?

— Мне нужно немного свежего воздуха. — Мигрень, пульсировавшая в моей голове, требовала нечто большего, чем просто свежий воздух, но для начала мне нужно было выбраться из этого ресторана, из этой душной комнаты.

Бренда нахмурилась, но ничего не сделала для того, чтобы остановить меня.

— Если хочешь выйти — воспользуйся вон той дверью. — Она показала мне, и на мои глаза попался выход в дальнем углу. Я думала, что это был пожарный выход. Здесь было так душно, что, думала, он будет использован как раз по назначению.

Мне интересно было, почему мы не вошли через эту дверь. Если мы так хотели избежать безумия со стороны роящихся повсюду фанатов, то это было бы более логичным. Даже подумать было больно. Сделав короткий кивок и, спотыкаясь, я двинулась в сторону металлической двери.

Чёрное небо отдавало пурпуром. Оно напомнило мне глаза Дрездена, зрачки его глаз в моменты злости.

Или страсти.

Стоп, перестань думать о нём в таком смысле. Это просто бред, и это неправильно.

На небе было ни облачка, звёзды притягивали меня. Сделав глубокий вдох, так, что мои ребра готовы были треснуть, я резко задержала дыхание. Могла ли я просто уплыть, навсегда исчезнуть в этой пустоте, и больше не иметь дел со всем этим безумием, растущим в моём сердце?

Прикрыв веки, воспоминания начали мелькать передо мной. Я видела Дрезу протягивающего мне вилку с едой. И себя, со стороны смотревшую, как какая-то жалкая собачонка, тянущаяся к нему через весь стол.

Что заставило меня это сделать?

Я не могла понять причину.

Мои лёгкие горели, я делала частые вдохи. До меня доходило мягкое жужжание голосов

людей, находящихся вдоль стен здания.

На подгибающихся ногах я шла до тех пор, пока не заметила толпу фанатов и техников, — и всех, кому не хватило места внутри ресторана. Я бы сама лично растоптала своё решение двинуться в зону видимости, ожидая, что они бросятся за мной. Но запоздало я поняла, что они не оправдают моих ожиданий. Никто не знал меня, как участника группы «Four and a Half Headstones». Пока не знали. Пока нет.

Для всех тех людей в вечерней темноте, освещённых лишь светом ламп и огоньками недокуренных косячков, я была просто незаметным лицом в толпе.

Возможно, после того, как увидят меня на сцене...

А хотелось ли мне такого внимания? Часть меня была в восторге от этой идеи. Остальная же часть была захвачена водоворотом и путаницы, связанными с тем, как я вела себя с Дрезденом.

Даже в том случае, если — или когда — я выйду на сцену, если я всё испоганю, как я это сделала до этого, то все эти люди запомнят меня, но только по неверным причинам.

Мои зубы заныли от того, как я сжала свою челюсть.

Сегодня вечером было всё так странно. Дрез был холоден, после этого притянул, словно магнит, а потом оттолкнул меня вновь. Флиртовал с той девушкой, говорил про Шона так, как будто там было что-то не то.

Порывшись в кармане, я нащупала свой телефон. Шон писал, что поговорит со мной как всё закончится. Я была уверена, что он был где-то поблизости, возможно, даже в ресторане, чтобы пересечься там со мной.

Было неудобно держать телефон в своей руке. Я устала, была немного пьяна, и даже не до конца была уверена в том, что сказать ему. Да, Шон, сегодня я облажалась на первой же репетиции. Почему? Потому что я превращаюсь в какой-то хлам рядом с Дрезденом. Я реально налажала. О, но ты не переживай, я исправилась. Как? Да, я просто сжевала свой собственный язык.

Шон разозлится, или, в худшем случае — разочаруется, если узнает, что я вытворяла что-то типа самоистязания. После всего, над чем я работала, чтобы преодолеть себя, когда была подростком, я просто не могла смотреть на его лицо скривившееся от позора.

Завтра. Я поговорю с ним завтра.

Плеться сквозь смеющуюся пьяную толпу, я пробиралась к автобусу. Было пару человек, стоящих перед входной дверью, этих людей я раньше не видела. Они бросили один взгляд в мою сторону, сложив руки на груди, что превратило их в стоящую стену из мышц.

— В чём дело, маленькая леди? — спросил один из них.

Я уже почти сказала ему, чтобы он отсосал у себя самого. Края моих губ пересохли, просто облизывать их было мало. Моё «почти» пьяное вдрызг состояние вырубало мой мозг.

— Мне нужно войти вовнутрь.

Они разразились глубоким смехом.

— Да? Уверен, что надо. Проваливай, пока я сам не помог тебе сделать это, — сказал самый толстый охранник.

Покачав головой, я подавила волну разочарования.

— Просто, чёрт подери, пусти меня вовнутрь, — зарычала я, проталкиваясь вперёд. — Я просто хочу спать...

Поток ветра подхватил меня, и моя спина встретилась с жёстким цементом. Над собой я видела благословенный свет звёзд. Всё было в воде. Возможно, кто-то просто толкнул меня?

Приподнявшись на локтях, и игнорируя тупую боль на моей чувствительной коже, я посмотрела на охранников. Они на самом деле сбили меня с ног!

— Что за чёрт? — Я кашляла из-за того, что меня «попросили» выйти на свежий воздух. Наклонившись в сторону и спотыкаясь, я поднялась на ноги. — Что это было?

В глазах этих людей не промелькнуло ни капли сочувствия. Море людей позади меня — это сборище бесчувственных чудовищ. Никого не заботит то, что происходило со мной, ни одну чёртову душонку.

Качнувшись вперёд, я подошла и толкнула одного из мужчин. У меня не было плана, просто меня распирало от злости, и я с этим ничего не могла сделать.

Не прилагая особых усилий, охранник увернулся от меня. Другая пара рук схватила меня и оттолкнула в сторону. Все вокруг меня разразились хохотом. Я чувствовала себя так, как будто меня вращали на американских горках.

Я тяжело приземлилась, повреждая ладони о землю, я совсем не гордилась собой, когда всё содержимое во мне вывернулось наружу — на руки и колени. Я дрожала от стыда, посмотрев вниз на свою рвоту, и меня настигнул приступ кашля.

Мой мозг гудел, воспроизводя в памяти то время, когда я была в средней школе. Как я смотрела на драки между детьми, а потом всё заканчивалось именно таким образом. Я была разбитой и выжатой как лимон.

В то время, единственным человеком, кого всё это заботило... это был Шон. Подняв свои глаза, я прорвалась через оцепенение, которое настигло меня, ожидая увидеть лицо своего старшего брата.

Рука потянулась вниз, касаясь моей головы. Рывком поставила меня на ноги, я упираясь своим локтём в одного из них и кричала:

— Отпусти!

В ответ на это моя голова дёрнулась назад. Я ничего не видела. Но это неважно. У меня перед глазами летали звёздочки всех цветов радуги.

Нет, никто не заботился обо мне.

Я опять упала, оседая на асфальт как бесформенная масса. Желчь стекал по моему подбородку, я испытывала облегчение от того, что это не кровь. Я скорчилась, звучали громкие голоса, люди смеялись надо мной.

Они собирались выкинуть меня куда-то подальше. И никто ничего не делал, чтобы помешать этому.

Металлический звук от открываемых дверей автобуса прорвался, даже через моё воспалённое сознание. Подняв взгляд вверх, чтобы посмотреть на охранников, я увидела силуэт крупного мужчины. Мужчина, который был одет только лишь в джинсы и узкую майку, был намного более устрашающим, чем группа охранников, окруживших меня.

Глаза Дрездена обжигали как кислота.

— Какого хрена здесь происходит?

Мой желудок свело, и я поняла, как жалко выглядела. Ну и отлично, теперь он увидел меня в таком виде. Это именно то, в чем я нуждалась. Мой позор закончился.

— Простите, сэр, — произнёс скрипучий голос. Сильные пальцы схватили меня за плечо, рывком поднимая меня на ноги. Я издала страдальческий возглас против своей воли. — Просто очередная пьяная сучка, которая создаёт проблемы, пытаюсь вломиться вовнутрь. Мы уберём её отсюда, от вас.

Мой подбородок подлетел вверх, и я ловила своим взглядом чёрные облака надо мной.

Отступи и ты не истечёшь кровью, отступлю и я свободна. «Больше нет звёздочек», — с горечью подумала я.

Кто-то обхватил меня за талию, начав трясти перед своей грудью. Muskus и табак заполняли моё сознание.

— Вы, чёрт побери, грёбаные дебилы, — сказал Дрез, — вы ослепли? Это Лола, наш новый гитарист. Иисус, что вы с ней сделали?

Мягкая ткань прижалась к моей щеке, и я прислонилась к Дрездену. Осознание этого просто потрясло. Нет, это он прижимал меня к себе. Посмотрев вверх, я увидела немного грубую щетину на его подбородке. Я могла видеть его лицо, однако ничем не скрываемое отращивание в его голосе, говорило само за себя.

Охранники, заикаясь, перебивали друг друга.

— Но она...

— Заткнитесь, просто остановитесь, — огрызнулся Дрез. Аккуратно, он уводил меня за собой. — Мне придётся сказать Бренде, чтобы она поговорила с вашим боссом. Мне стоило догадаться, что наёмные головорезы вообще не имеют понятия о том, кого стоит пускать вовнутрь, а кого нет.

Моя голень коснулась нижней ступени автобуса. Дрезден просил меня подняться, помогая мне войти в автобус. Мягкий свист двери, закрывшейся позади нас, успокоил меня.

Я позволила немного подтолкнуть себя и усадить на одно из сидений. Мой взгляд был размытый, не мог ни на чём сфокусироваться. Дрез своей рукой взял меня за челюсть, по-прежнему прилагая немного силы. Зелёные глаза нашили мои.

Наконец на меня снизошло просветление.

— Ты в порядке? — спросил он, беспокойно сморщив лоб.

Я моргнула. Затем, снова моргнула. В порядке ли я? Я не совсем в этом уверена была. Чувствовала я себя так, будто мою голову использовали в игре вместо мяча, всё внутри меня опустошено было так, что я испытывала боль.

Вспомнив, как блевала возле автобуса, я горячо покраснела. В моём рту до сих пор оставался кислый привкус.

— Мне нужен стакан воды, — сказала я, пытаюсь подняться. Он возвратил меня назад, не грубо, но так, что не возникало дальнейших вопросов.

— Сиди. Я принесу.

Вокалист отпустил меня, освобождая от своей всепоглощающей ауры. Я смотрела ему вслед, и мой мозг, насквозь пропитавшийся алкоголем, начинал работать. Пока я осматривала горящие от моего падения ладони, я заметила, что после того, как попала в руки охранников, я упала и разорвала локти своей рубашки. Кожа там покраснела и была повреждена.

Дрез вернулся, предложив мне холодный напиток. Я взяла его, мы оба заметили, как дрожали мои пальцы.

Глотки причиняли боль моему горлу, что беспокоило меня, скорее всего меня стошнит, как только холодная вода наполнит мой желудок. Я вытерла свой рот, дрожь пробежала через меня. Моей гордости был нанесён ещё один урок.

Это нелегко исправить.

Он сел напротив меня, и прищурился с такой злостью, что я не могла сдержаться от того, чтобы не поморщиться.

— Ты в самом деле в порядке?

— Я в порядке, — тихо ответила я, разглядывая ссадины на своих ладонях. Это всё такая ерунда. Тогда почему я чувствовала себя настолько отвратительно? Смотря на Дрездена, я пила свою воду. Там надо мной издевались. Наверно, поэтому, я чувствовала себя настолько униженной. Меня избивали, а всем вокруг было насрать на это. Пальцами я сжимала стакан. Нет. Это всё неправда. Сквозь ресницы я посмотрела на Дреза, почувствовав, как кровь приливалась к щекам. Кому-то было не всё равно. Покачив своей головой и посмотрев на него, я старалась говорить ровно. Мой голос всё ещё звучал так, будто я проглотила камень. Если бы он не спас меня, до окончания ночи меня бы уже прикончили, в прямом смысле.

— Послушай, я должна поблагодарить тебя.

— Они будут уволены за это, — сказал он, отворачиваясь в сторону. Это было так, как будто он не слышал меня, а разговаривал сам с собой. — Сборище хреновых идиотов. Мне следовало сказать Бренде, если мы нанимаем охранников, то они должны быть подготовленными, а не вести себя вот так.

Моё сердце в груди билось где-то в области рёбер.

— Ты не слушал — я сказала тебе «спасибо». Спасибо за то, что спас и вытащил меня оттуда.

Повернувшись обратно, Дрез ненадолго сфокусировался на мне.

— Это ничего не значило.

— Было бы легче не заморачиваться.

— Легче? — От звука, когда его ладонь с силой ударила по столу, я подпрыгнула. — Ты в самом деле думаешь, что я смогу сделать вид, что ничего не было, после случившегося? Твою мать, от одного звука, что тебя тут рвет, и ты одна... это было...

Я прикусила язык, и вспышка боли исказила моё лицо.

Дрезден сильно нахмурился, и глубокие морщины появились рядом с его острой челюстью.

— Прекрати так делать. В любом случае, забудь о том, что я сделал. Возможно, в следующий раз тебе стоит пить поменьше.

Выпив воду, я со стуком поставила стакан.

— Спасибо за совет.

Мы сидели в тишине. Это тяжело, и я бы вышла наружу, если бы не переживала, что встречу кого-то, кто был свидетелем всей этой сцены. Нового гитариста из Head stones стошнило прямо на гастролях! Я молилась, чтобы никто не сделал фото. Забавно, раньше меня злило, что никто не замечал того, что происходило со мной.

— Итак, — начала я, — ты расскажешь Бренде?

— Утром. Сегодня вечером она бесполезна. — Потянувшись, он схватил меня за плечо. Это было неожиданно, поэтому я оказала сопротивление, когда он развернул мою руку, замечая багровые кровопотёки и разорванную ткань. — Вот дерьмо, я принесу что-нибудь, чтобы не было заражения.

Я отдернула руку, все равно было уже слишком поздно. От его прикосновения моя кожа пульсировала.

— Ничего страшного. Всего лишь царапины.

— Царапины? — произнес он, демонстративно смотря на мою вторую руку. — Вставай, пойдём в ванную комнату.

Посмотрев, как он встал, я ещё сильнее вжалась в край стола.

— Успокойся, все нормально.

Дрезден был не из тех мужчин, которые привыкли к тому, чтобы с ними спорили. Потянувшись в мою сторону, он схватил меня за воротничок рубашки своими длинными пальцами и потянул.

— Встала. Сейчас же.

Одежда почти вся порвалась. Всё внутри меня кричало о том, что надо бороться, но один взгляд на жар в его глазах, и всё моё сопротивление растаяло. Я чувствовала лёгкое головокружение, пока стояла.

— Вот, — сказала я, — доволен?

Дрез закатил свои глаза, не давая мне возможности уйти. Рубашка стянулась на моём горле, его сила принуждала меня следовать за ним, поскольку, он тянул меня по проходу так, будто бы я прикована к нему цепью. Если до сих пор одежда не была полностью разорвана, то Дрез завершил дело, потянув меня за шею.

Ванная была как раз перед комнатой, в которой мы репетировали. Воспоминание о нашей репетиции побуждало меня сопротивляться немного меньше. Это было напоминанием о моём провале, моей медленной гибели в присутствии Дрездена.

А теперь он тянул меня вперёд, требуя моего подчинения, и я даже не пыталась сопротивляться.

И кто я теперь?

Он затащил меня в ванную, и, наконец, отпустил.

— Подними руки, — сказал он.

Не до конца уверенная в том, что делала, я подняла руки. Схватив манжеты, Дрезден разорвал рубашку прямо на мне. От этого движения мои волосы взлетели вверх, что в свою очередь просто ошеломляло мой мозг. Стоя только в одном белом лифчике, я с изумлением наблюдала за его решительными действиями.

Не похоже, чтобы Дрезден был удивлён. Покопавшись в ящике, он положил вату и пластыри на край раковины.

— Присядь на минуту.

Это была простая просьба. Стоять было не так то просто с моим затуманенным разумом. Почти рухнув на крышку унитаза, я дрожала при тусклом свете единственной белой лампочки. До этого я была без рубашки, когда кругом было полно людей, но сейчас то, что я чувствовала... это совсем другое.

Здесь, сидя под тенью Дрездена, я была выставлена на показ. Его глаза внимательно изучали меня, и не похоже, чтобы он был под воздействием тех же эмоций, что и я.

Вода медленно стекала в раковину. Он присел, держа влажную тряпочку в руке.

— Сиди спокойно, — сказал он резко, что не предполагало никаких возражений с моей стороны.

Как олень, стоящий перед автомобилем, так же я покорно сидела перед ним. Его сильные пальцы подняли мою руку, прикладывая ткань к моей пострадавшей коже. Боль потрясала, жгучая и заставляющая меня вскрикнуть.

— Больно? — спросил он.

— Нет, — произнесла я, казалось, мой язык онемел. — Ни капельки.

Его улыбка зарождала жар у меня в крови.

— Всегда будь такой сильной

Я наблюдала, как пульсировала вена на его шее. Я сделала вдох, когда он обрабатывал мою рану.

— Пустяки.

— Да? — Он, не моргая, встретил мой взгляд и прикладывал тёплую тряпочку к другой руке. Мой визг заставил меня покраснеть, а его гортанный смешок сделал всё только ещё хуже. Он повернул рычаг на печи, находящейся внутри меня, всё выше и выше. — Люди, носящие маски, меня бесят.

Я должна была продолжать в том же духе. Оставив его без ответа, я наблюдала, как он накладывал повязку на мои локти. Рядом с тобой, я должна быть такой... Такой бездушной.

Если не будет никакой стены сопротивления, кто знает, что могло произойти между мной и Дрезденом? Я, лично, понятия не имела. Именно из-за этого я была такой нервной. Всё это, происходящее между нами, будь это идолопоклонством или обожествлением или... или чем-то ещё, чему я не могла дать название...

У меня просто не было никаких идей, как с этим быть.

Моё единственное мнение было таким — создать препятствие и спрятаться.

Дрезден всё ещё удерживал меня за локоть. Мышцы его плеч напряглись, когда он наклонился совсем рядом. Это напомнило мне о его силе, с какой лёгкостью он затащил меня в автобус. Как он спас меня от охранников.

Стук моего сердца приводил меня в смятение. Оно так барабанило, что грозило подняться к горлу и вырваться из моего рта. Если я начну говорить, то смогу только заикаться.

— Эта татуировка, — спросил он, — что она означает?

Обратив внимание на свою руку, я изучала красивую и сложную форму. Это замок, одинокая каменная башня, сплошь обвитая плющом. Всё было в чёрных и серых тонах. Мне пришлось высидеть несколько сеансов, чтобы закончить это.

— Это ерунда.

Дрезден почти не сдвинулся. Его едва уловимая усмешка была пропуском к его сомнениям. Я никогда не была хорошей лгуньей.

— Это определённо что-то означает. Конечно, означает. Это всё рассказывает о моей жизни, о том отрезке времени, когда я никому не запрещала меня ранить. Когда школа была наполнена жестокими хулиганами и ещё более жестокими учителями. Толчок, который направил меня по пути разрушения, оставив от меня лишь пустую оболочку.

Это было образом моего восстановления. Это стены, которые я воздвигла, чтобы оградить себя от ощущения всей своей незащищённости в том, чтобы поддаться грешному соблазну страданий. Покрывало из плюща символизировало искусство — музыку, которая заставляла меня оставаться целостной личностью.

Я даже не пыталась это объяснить.

— Ты неважно выглядишь, — пробормотал он. Его дыхание шевельнуло прядь моих волос на лбу. Он приложил свою ладонь к моей коже. Он был тёплый, я вся пылала.

Когда я облизывала свои зубы, мы оба слышали исходящий от меня удушливый свист.

— Я... я в порядке! — выпалила я, в панике отворачиваясь в сторону. Дерьмо, он дотронулся до меня. Чёрт. Чёрт. Чёрт. Я ощутила это внутри себя. Это так, как будто он достал прямо до моего нутра и погладил моё сердце. За исключением того... что это очень приятно.

Более настоящее и необузданное.

Я была на взводе, потная и бледная. Я видела себя в зеркале — кожа цвета молока. Дрезден подошёл, чтобы поднять меня, что-то говоря о том, что я слишком быстро

двигалась. Я не слушала, как я могла, когда в моих ушах стоял всё тот же стук, я толкала его твёрдую грудь.

Он ударился своей лодыжкой о мою, намеренно или нет. Я отошла, цепляюсь за его руки, чтобы оттолкнуть, мой мир перевернулся с ног на голову, когда я потеряла равновесие. Я слишком устала, меня утомил весь этот напряжённый день и физическая нагрузка от моего пьяного сражения.

— Берегись! — кричал он, хватаясь за что-то, чтобы привести нас в устойчивое положение. Мы упали, мои ноги были над моей же головой — это почти было смешно. Унитаз, стоящей рядом с ванной, оглушил меня.

Дрезден обрушился на меня, похитив моё дыхание. Мои рёбра захрустели, а горло издало булькающий звук от болевого шока.

— Чёрт, — простонала я, — что...?

Отвратительный глухой стук черепа, ударившегося о стену позади меня, требовал того, чтобы я сосредоточилась.

Моргая, я всматривалась в спокойное лицо вокалиста из «Four and a Half Headstones». Он был тяжёлый, но каким-то образом это не ощущалось неудобно. Красная метка на его виске показывала то место, где он ударился головой.

Он выглядел так... расслабленно. Я уставилась на него, и была слишком возбуждена, чтобы дышать или двигаться. Я не хотела разрушать момент, каким бы ужасным он ни был. Была вероятность, что Дрезден пострадал. И, всё же, это был первый раз, когда мы были так близко, и я не была парализована взглядом его зелёных глаз. Он не кричал и не ворчал, не посылал железные шипы во все мои конечности.

Под давлением его тепла, мне не было страшно. Одна рука была зажата в ловушку между нами. Пульс сердца Дрездена просачивался мне под кожу. Протянув свои пальцы, они зависли прямо перед его челюстью. Мне надо было убедиться, что с ним всё в порядке.

— Дрезден? — прошептала я, мой голос был скрипучий. — Дрез, очнись.

Но певец не шелохнулся.

У меня во рту стоял металлический вкус. Кончики пальцев дрожали, отчаянно желая дотронуться до его щеки. Если я сделаю это, то всё разрушу, момент, который мне бы хотелось, чтобы длился вечно. Кусочек времени, который дала мне возможность погреться в лучах энергии, которой был Дрезден Гэлифакс, его красота и теплота, было без того, чтобы всё это перешло в склоки и другие ненужные составляющие.

Я осознала, что он и в самом деле мог быть ранен. Внезапно, всё моё спокойствие испарилось. Одна моя рука была свободна, я обхватила своей ладонью его обнажённое плечо. Оно было прохладное, гладкое как стекло.

— Дрезден! Дрезден, очнись! Ты в порядке? Поговори со мной!

Внезапно он сделал вдох через нос, мужчина распахнул свои глаза и посмотрел на меня. Он мог бы с таким же успехом быть Медузой.

— Что за нахрен ты творишь?

Распахнув губы, я нахожу... ничего. Ни единого слова. Вся ситуация повернулась ко мне спиной, нерешительная фанатка, претендующая на то, что достойна славы Дрездена. И его самого, чёртового рок-бога, порочные мысли о котором возникли в моей голове, стоило лишь ему оказаться со мной рядом.

Просто потому что он жив.

Он шевельнулся, зашипел и схватился за голову. Он всем весом приземлился на меня,

потираясь джинсами о мой таз. Ощущение было до ужаса приятное. Низ моего живота просто танцевал, мой язык завязывался узлом.

Посмотрев на меня Дрезден замер. Взгляд его глаз сменялся с удивлённого до обвиняющего. Безусловно, я бы предпочла бы первый вариант.

Я же чувствовала это на самом деле? Я заметила это вскоре после того, как он упал на меня. Я была сбита с толку его травмой, но сейчас... под прицелом его горящего взгляда, его мощного аромата и движений его тела, я слишком хорошо осознала то, что происходило.

Мои бёдра напряглись от положения, в котором я находилась так долго. Однако, я не смела сделать ни одного движения. Результат того, что я пыталась отрицать, теперь зажат был между мной и Дрезденом.

Он опять переместился, на этот раз медленно. Давление его живота, скользящего по мне, была просто пыткой. Его эрекция, касающейся меня, достаточно было для того, чтобы хотеть найти тех охранников вновь, и позволить им избивать меня снова и снова. Бить меня до тех пор, пока я не забуду этот момент.

Дрожь возрастала внутри меня. Мои соски становились твёрдыми под лифчиком, выдавая меня своим откликом. Маленькие выступы на одежде явно были видны сквозь тонкий материал. Ощущение явного признака влечения со стороны Дрездена делало со мной такие вещи, к которым я готова не была.

Ох, чёрт, что я вытворяю? Подумала, что я безумная. Повернув подбородок, я посмотрела на стену, где Дрезден ударился виском. Я оторвала от него свою руку, прижимая её к стене.

— Ты... ты в порядке? — сдавленно спросила я.

— Я в норме, — сказал он, его колени оказались снаружи от моих лодыжек, когда он сел. Я всё ещё не могла заставить себя посмотреть на него. Его тень падала недалеко от меня.

— Но, я кое о чем спрашивал тебя. Что, бл*дь, ты вытворяешь?

Его вопрос слишком мучительно отозвался внутри меня, напоминая о наших переплетённых телах.

— Прости, но я не хотела сбить тебя с ног вместе с собой!

Твёрдые мозолистые пальцы внезапно крепко схватили мой подбородок. Дрезден развернул меня, принуждая посмотреть прямо в его глаза. Я видела собственное возбужденное выражение лица, отражающееся в этих изумрудных глубинах.

— Ты могла сломать свою грёбаную шею, мать твою, — прошипел он. — Я позволю себе промолчать, касательно самого себя! Ну, почему ты всегда так отчаянно сражаешься со мной?

Миллион причин вертелось на кончике моего саднящего языка. Потому что ты превращаешь мои ноги в желе, потому что заставляешь забыть собственное имя, потому что меня до чёртиков пугает то, какие чувства ты пробуждаешь во мне. Я не могла произнести ни одну из них.

— Потому что, — прохрипела я, — ты продолжаешь обращаться со мной как с ребёнком.

Внимательно осмотрев меня, Дрезден, наконец, позволил мне уйти. Мои челюсти пульсировали там, где он держал меня.

— А ты бы предпочла, чтобы я относился к тебе как-то по-другому?

— Конечно! — Во мне вспыхнуло недоверие. — Я не чёртов ребёнок, Дрез! Мне

девятнадцать, ты ненамного старше меня, прекрати вести себя так...

— Как? — спросил он, всем весом прижимаясь ко мне. Я задыхалась, извиваясь не смотря на все обстоятельства. Он что намеренно прижался ко мне? Нет, конечно, он не мог. Не мог. — Как будто я старше тебя, вести себя с тобой по-взрослому?

Только мой всё ещё пылающий гнев давал мне силы заговорить так резко.

— Да, это хорошее начало.

Что-то опасное проскользнуло у него по лицу. Намёк на что-то таящееся внутри Дрездена, что я заметила раньше — когда он пел.

— Ты хочешь, чтобы я относился к тебе как к равной? Такой же опытной, как и я?

Напряжение поползло вверх по моему позвоночнику. Он был слишком серьёзен, и от этого у меня побежали мурашки по коже. Обеими свободными руками я схватилась за стену и за край ванной. Предостережение в тоне Дреза, его слова, дали мне совет бежать отсюда.

Не прилагая усилий, он навалился на меня сверху. Мой затылок оторвался от плитки. Это не причинило боли, но ошеломило меня. Грубая ткань прижилась к моему лифчику, к кончикам моей груди.

— Что за хрень ты творишь? — выдохнула я.

— Обращаюсь с тобой как со взрослой, — сказал он, опуская ладони мне на плечи. — Ты хочешь быть такой же опытной, как и я, ты хочешь, чтобы я перестал нянчиться с тобой так, как будто ты можешь разбиться?

Мой мир превратился в одно сплошное головокружение. Даже если бы я не ударилась головой, я всё равно была бы ошелоmlена. Что он сказал? Это слишком, слишком интимно... уж слишком сверхъестественно! Находиться в ловушке под твёрдым чувственным телом Дрездена Гэлифакса было тем, чего я когда-нибудь могла ожидать.

Я хотела, чтобы моё сердце перестало так колотиться! Я нервно облизывала губы, видела, что он смотрел на меня как хищник.

— Эй, Дрез. Я не... ты не должен этого делать.

Его брови поползли вверх.

— Я ещё ничего не сделал.

«Вот именно, ещё не сделал», — подумала я, подавляя волну неожиданного желания. Каждую секунду, что я проводила рядом с этим человеком, внизу моего живота завязывались предательские узлы. Я была так возбуждена, как ни с кем до этого в своей жизни.

— Лола, — прошептал он, голод в его голосе заставил сжаться мою челюсть и закрыть глаза. — Что, чёрт возьми, ты делаешь со мной?

Делаю с ним? Всё, на что я была способна — это покачать головой. Я сделала это так медленно, потому что моё сознание застряло в какой-то вязкой ловушке, точно в густом сиропе. Это Дрезден, это он всё сделал. Уж я точно не была тому причиной.

Его опытные пальцы скользили вниз по моим рукам, насколько это было возможно в рамках наших стеснённых условий. Его губы были прямо напротив меня, он сделал движение бёдрами, одно единственное движение, которое заставило мои лёгкие сжаться.

Я не могла думать, не могла говорить. Всё, что существовало вокруг меня — это Дрезден. Мои уши искали его, мои ноздри утопали в его запахе. Я могла бы полностью исчезнуть прямо в этой ванной, если бы он не остановился, а затем выпрямился.

В замешательстве, я открыла глаза и увидела, как он смотрел на дверь и напряжённо вслушивался. Я поняла почему, когда раздался голос.

— Дрез? Ты здесь?

Я поняла, что это был Портер.

Запутавшись в руках и ногах, вокалист отлетел от меня. Он даже не оглянулся назад, просто выскочил за дверь и мягко закрыл её за собой. Моргая, я уставилась в потолок. Это была идеальная поверхность для меня: пустая, безлика.

Что сейчас произошло?

Или я всё это придумала?

Находясь в ванной, я слышала отдающее металлом эхо от людей, говорящих где-то вдалеке. Знакомые высокие частоты Дрездена, баритон Портера. Я слушала некоторое время, я всё также лежала, как будто, если я двинусь, то всё станет реальным.

Он собирался... а что он собирался сделать? Вспоминая мужчину, который был на мне, я прикаснулась пальцами к своей груди. К тем местам, к которым прикасался он, чувствуя тоже самое. И это расстроило меня, потому что я осознала, что каким-то образом стала другой.

Скользя рукой вниз по животу, я поцарапала место слияния своих бёдер там, где его член тёрся сквозь джинсы. Покраснев уже в реальном времени, я аккуратно села прямо. Я нашла рубашку, которая была небрежно сдёрнута с моей головы. Зеркало мне продемонстрировало моё розовое лицо и беспорядок на моей голове. Притронувшись к своим губам, я вспомнила, насколько близко Дрезден подошёл к тому, чтобы... К чему? Чтобы поцеловать меня? Остановись, не будь глупой. Но так ли это было глупо? Он был прямо на мне, удерживал меня, говорил о том, что будет обращаться со мной так же, как если бы я была такой же опытной как и он.

Вся моя шея начала гореть, как только мне в голову пришла идея. Сколько у него было женщин? Ему двадцать один, скорее всего много... Это ли он имел в виду? Мысль о том, что известный певец был всё это время столь раскрепощён в своих сексуальных желаниях, заставила меня оцепенеть.

Я никогда не слышала, чтобы Дрезден относился к тому типу парней, что рыскали в поисках кисок после шоу. Мог ли кто-то скрыть такое? «А что насчёт меня?» — спросила я себя, щурясь в зеркало. Я всегда думала, что знаю, кто я есть. Теперь же, я не совсем в этом была уверена. Похоже, что моё тело и мой разум не могли договориться. Приоткрыв дверь, я выглянула в коридор. Разговоры всё ещё продолжались — дружелюбное ворчание в передней части автобуса.

Настолько, насколько это было возможно в автобусе — я осталась одна и тяжело упала на свою кровать. Руки запутались в волосах, подбородок опустился к ключицам.

Когда этим утром мне сказали, что я присоединюсь к «Four and a Half Headstones», я была уверена, что это будет самым грандиозным шансом в моей жизни.

Теперь, с этим мускусным ароматом Дрездена Гэлифакса в моём носу... с отпечатками его рук, которые я чувствовала на своей обнажённой коже...

Я была уверена, что изменилась ещё больше.

Глава 6

Дрезден

Я долбаный идиот.

Хотя я улыбался и поддакивал, расслабленно откинувшись на сиденье и слушая как Портер болтал всякую чепуху, мой разум был в совершенно другом месте. Он находился в фарфоровой ванной, погружённый в те невероятно глупые поступки, что я успел совершить.

Я на полном серьёзе заявил, что я самый большой грёбанный идиот — думал я, наблюдая как Портер улыбался, и делал вид, что смеялся над тем, что он сказал. Как я позволил этому зайти так далеко? Лола собиралась противостоять мне. Она пыталась уйти, но только отправила нас в отключку в этой долбанной ванной.

Я аккуратно коснулся чувствительного места на своём виске. Надеялся, что синяка не будет.

— Эй, алло? — Портер наклонился и помахал мне рукой. — Ты в порядке, Дрез? Ты где-то далеко.

Он бы даже себе представить не смог бы...

Но в ответ я лишь виновато нахмурился.

— Прости, это был длинный день. — Я думал, что мне придётся прожить рядом с Лолой целый год. Один длинный, мучительный год. Как я буду просыпаться и делать всё это, день за днём?

— Ты прав, он тянулся бесконечно. — Он встал, сделав зевок, и похлопал себя по спине громкими шлепками. — Я, пожалуй, пойду и завалюсь спать. Ты видел Лолу? — Я напрягся и затаил дыхание.

— Она ушла, и я не видел её, когда был снаружи с Кольтом.

Думая о почти обнаженной груди Лолы, я сжал кулаки на коленях.

— Она вернулась некоторое время спустя. Думаю, она уже спит.

На лоб Портера набежали морщинки.

— Ох. Тогда ладно. Она, наверное, устала намного больше, чем все мы. Это был сумасшедший день для неё.

Мой подбородок практически не двигался, когда я кивал. Портер был настолько прав, что сам и не подозревал. В меня как будто всадили нож, чувство вины наполнило все мои чувства. Лола пережила день, наполненный таким, что не могла вообразить — и в некотором смысле был виноват я.

Взглянув в сторону окна, я всматривался в тонированное стекло. Охранники были всё ещё там, вечеринка только начала утихать. Я заметил свечение горящих огнём и жестянок, и мне стало интересно, заставит ли полиция силой их расплатиться за всё это.

Поход до моей маленькой комнаты был коротким. Я выбрал кровать дальше по коридору, поближе к репетиционной комнате. Отодвинув тяжёлую угольного цвета занавеску, я упал на свой матрас.

Было темно, и я закрыл окно куском плотного пенопласта. Моя бессонница меня настолько достала, что я не выносил саму идею того, что солнце будет просачиваться сквозь окно раньше того времени, чем я буду готов проснуться.

Стянув свою футболку через голову, я аккуратно её сложил. Мой ремень шёл следующим. Как только я коснулся холодного металла, меня настигло воспоминание о податливом теле подо мной в той ванной.

Против своей воли, я втянул воздух сквозь зубы. Лола извивалась подо мной, такая тёплая, нежная и мягкая одновременно. В основном мягкая. Эрекция причиняла мне мучения сквозь джинсы.

В тот момент, когда я обнаружил себя, распластавшегося на ней, я перестал думать обо

всех причинах, по которым должен был держаться от неё подальше. Её грудь трепетала напротив моего бешено стучащего сердца. Чувствовать её, видеть её отзыв и знать, что причиной всему этому я, я... Я начал сдаваться.

Лола сделала это с такой лёгкостью. Она, извивалась подо мной, её голубые глаза были такие огромные и столь неуверенные, я чувствовал её голод, а она, конечно же, почувствовала мой.

Я хотел опрокинуть её, обрушив на неё свои губы и сжимать до тех пор, пока она не скажет продолжать мне или не начнёт молить, чтобы я остановился. Какой из этих вариантов я бы предпочёл? И повиновался бы я в том случае, если бы ответ меня не устроил?

Поправив свою растущую эрекцию, я дал своей голове встряску. Тот «мирок» в ванной был таким идеальным. Кроме того, что это искушало меня, я также чувствовал себя опустошённым. Обречённым.

Я говорил сам себе держаться от неё подальше. Угроза от преследования Лолы была так очевидна — она и сейчас была настолько очевидна! С угрюмым видом я стянул джинсы к своим лодыжкам. Налитый кровью стояк в моих боксерах был постоянным напоминанием о том, что, как я думал было разумным, для остальной части меня было не так.

Когда я лег обратно на кровать, я уставился в потолок. У меня не было ключа к тому, чтобы разгадать эту головоломку. Я продолжал смотреть в одну точку, не мигая глазами. Раньше я задавался вопросом, была ли девчонка влюблена в меня или нет. Мой член пульсируя, сочувствовал мне. Думаю, теперь я знал это. Если бы в её отклике не было столько страха или что-то в этом роде. Я закатил свои глаза. Даже сейчас, я искал оправдания, чтобы не преследовать Лолу.

То, как она касалась меня, когда думала, что я был ранен... и то, как прижималась ко мне, когда я спас её от охранников... Это всё не должно иметь значения. Вместо этого, всё служило тому, чтобы оставить свой отпечаток для того, чтобы подобраться ближе к Лоле Купер.

Прикрыв глаза, я снова вспоминал, как ей было сложно встретить мой взгляд. Как она краснела, извиваясь подо мной, а моя эрекция вжималась в её живот.

Бл*дь, я так сильно хотел её поцеловать. Потянувшись, я поднял кончики пальцев к своим губам. Почему я так слаб по отношению к ней? Если бы Портер не появился, напугав меня до усрачки, я не думаю, что я бы остановился. Я бы отдал всё за то, чтобы забрать кусочек Лолы Купер.

Мои пальцы жёстко прижались к моему рту. Я ужасен, чёртов монстр. Просто потому что она, возможно, была в меня влюблена, а я готов был рискнуть, чтобы разрушить всё для того, чтобы взять то, что хотел от неё раньше, прежде чем она была готова к этому.

Для девчонки до сих пор была проблема — просто посмотреть мне в глаза. Если бы я позволил себе сдать и соединить наши с Лолой пути воедино, то она скорее всего возненавидела бы меня.

Она бы, наверное, ушла из группы.

Мои мышцы налились свинцом от такой идеи. Я такой эгоист. Сделав глубокий вдох, мне показалось, что я до сих пор мог почувствовать её запах у себя в носу.

Я так чертовски эгоистичен.

Скользя по своему животу, рельефному прессу, я обхватил очертания своей никак не падающей эрекции. Ладно, я — эгоист. Я ненасытный и ужасный, и всё чего я хотел — кусить Лолу, услышать её возглас и чёртовы вопли из-за меня.

Сжав головку своего члена, сквозь боксеры, я застонал. Это правда. Всё это правда. Я боялся приближаться ближе, боялся поддаться своим желаниям по отношению к этой голубоглазой женщине в силу опасности. Не из-за угрозы связанной с группой, хотя она была реальна. Не из-за угрозы, касаемо чувств Лолы — это до сих пор являлось проблемой. Нет, я был напуган, потому что, если позволю себе пойти этим путём, то уже не остановлюсь.

Я не мог утверждать, что смогу удержать свои барьеры, если она будет главным призом. И я думал, что если придерживаться профессиональных отношений, то всё будет в порядке. Я смогу себя контролировать.

Но, когда она опрокинула меня в ванной, всё изменилось.

Мощный рык зародился в моём горле. Запустив свою руку под одежду, я поглаживал горячую кожу своего члена. Моя болезненная эрекция была такой же напряжённой и причиняющая неудобства, как и мысли в моей голове.

Лола — это всё, что было у меня в голове. Её ошеломительное лицо, её изящные пальцы. Мои уши наполнились воспоминаниями о той музыке, что она играла. Я отчаянно хотел, чтобы она написала новую песню для меня. Песню, созданную на ноты её дыхания, в которую были бы добавлены акценты из её всхлипываний и страстных стонов.

Я хотел, чтобы Лола Купер была частью меня. И я мог бы сопротивляться этому, если бы не приземлился прямо на неё в той ванной.

Это было своего рода шуткой, насколько белой была керамика. Именно эта своего рода невинность окружала меня — отчаянного грешника.

Тяжело дыша, я обернул кулак вокруг своего члена. Мои поглаживания были быстрыми, они лишали контроля, что отображало меня самого. Лола пробралась во всё, что я есть. Даже сейчас, наедине с самим собой, моё хладнокровие потерпело крах из-за неё.

Если бы я не представлял, что могу сотворить с ней... Мои зубы смыкались от рычания. Если бы я остался в стороне, не спасал её, не помогал, не трогал, не видел, не вдыхал её запах... не... не... Пронизанная электрическим зарядом дрожь восторга, плясала в нижней части моего живота. Она смешивалась с последними частичками моей решимости.

Если бы я никогда не встретил Лолу Купер...

Я бы не хотел её так сильно.

Я дрожал, давление в моей мошонке всё возрастало. Мой кулак сдавливал меня, требуя, чтобы я перешёл грань освобождения.

Пока я лежал здесь в своей глупой позе, пот покрыл всё моё одеяло и острая потребность затмевала мои мысли, у меня оставалась лишь одна ясная мысль, прежде чем я погружусь с головой в мир оргазма.

Я долбанный идиот.

Я заглушил подушкой свой крик, излившись на свои пальцы. Тот жар, что я ощутил, рождал пульсацию у меня в висках. Моё освобождение было невероятным. Но по правде говоря, мне по-прежнему чего-то не хватало для полного удовлетворения.

Под закрытыми веками, я исполнял танец цвета радуги. Среди точек, видел её совершенное лицо. Моя капитуляция перед тем добром, к которому я хотел чувствовать себя ближе. Это... освобождение.

Лола может и не знала, что её ждёт, но меня это не волновало. Только не теперь. Она — это всё, что я желаю.

Теперь, когда я знал, что она хочет меня, даже если это на каком-то физическом уровне, с которым она только знакомится... это искушение.

Я сделаю всё возможное, чтобы она была моей. И, до тех пор, пока Лола в моей группе, я знаю, что у меня есть некоторые гарантии — небольшой отрезок времени, чтобы всё это осуществить.

Открыв глаза, я снова посмотрел в потолок. Я представил её, спрашивая у самого себя — делает ли она то же самое. Что она может подумать после дня, который мы провели вместе.

Засыпая сегодня ночью, я размышлял о сапфировых глазах, перебинтованных локтях и первых нотах из «No More Stars», в исполнении кого-то, кто осознавал истинное значение этой песни.

«No More Stars» — это песня, начинающаяся с предупреждения. Если я сделал что-то Лоле, даже если это одолжение... Я пытался уберечь её от себя. Каждым взглядом, каждым словом, я предупреждал её о том, что находилось внутри меня. Что я есть такое.

Теперь, она должна вступить в этот мрак со мной и увидеть всё своими глазами.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net